

100

ВЕЛИКИХ ЗАГАДОК РУССКОЙ ИСТОРИИ

100 великих (Вече)

Николай Непомнящий

**100 великих загадок
русской истории**

«ВЕЧЕ»

2008

Непомнящий Н. Н.

100 великих загадок русской истории / Н. Н. Непомнящий —
«ВЕЧЕ», 2008 — (100 великих (Вече))

Россия, спящая красавица, для всего мира веками была загадкой. Понять особенности и закономерности ее исторического пути пытались многие крупные писатели и ученые как в самой стране, так и за рубежом. Вся история России полна неразгаданных тайн – будь то эпоха Древней Руси, Московского царства, Российской империи или Советского Союза. Читателю предлагаются оригинальные версии, результаты исследований ученых, краеведов, журналистов. Авторы представленных материалов доказывают подлинность Велесовой книги, прослеживают судьбу Анны Ярославны, королевы Франции, анализируют сведения о пропавшей библиотеке Ивана Грозного и о старце Федоре Кузьмиче, возможно, прожившем первую половину жизни как император Александр I, рассказывают об экспедициях, отправлявшихся на поиски таинственных земель, уникальных изобретениях и загадках советской космической программы.

Содержание

Часть первая.	5
Славянский орнамент на кельтском сапоге	5
Велесова книга, спасенная от революции[1]	7
Великая стена... на Волге[2]	11
Анна Ярославна: русская княжна на французском троне[3]	14
Государство-призрак, или Русская Атлантида[4]	17
Сага о «Новых русских» из рода Инглингов[5]	23
Род Романовых – из XII столетия?[6]	28
Тайные маршруты русов[7]	34
Загадка Александра Невского	38
Где была Куликовская битва?[8]	40
Чем болел Иван Грозный	44
Пророчества чухонских старцев[9]	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Николай Николаевич Непомнящий

100 великих загадок русской истории

Часть первая.

Во тьме веков

Славянский орнамент на кельтском сапоге

В своих записках о галльской и британской войнах Гай Юлий Цезарь восхваляет доблесть римских легионов, проявленную в сражениях с коренными племенами Европы, принадлежавшими к большой семье кельтских родов. Но если с галлами и бриттами римляне покончили довольно быстро, то на скоттах – предках современных шотландцев – Цезарь «сломал зубы». Римским легионерам пришлось соорудить величайший в Европе вал, дабы уберечься от набегов скоттов – искусных воинов, гордых рыжеволосых гигантов. В Северной и Центральной Европе кельты перемешались с германскими и славянскими племенами в те времена, когда у этих «варварских» племен еще не было письменности. Кельты будто растворились в эпоху Великого переселения народов, так и не войдя в общепризнанную историю Европы. Их словно бы и не существовало, школьные и университетские курсы истории лишь вскользь упоминают кельтов как неких второстепенных персонажей. А вот валлийцы, шотландцы и ирландцы сумели сохранить свою индивидуальность и оставили миру и опыт погребения, и памятники материальной культуры.

Но все же очередь дошла и до кельтских археологических находок. Летом 1978 года сотрудница археологического управления земли Баден-Вюртемберг обратила внимание на странное каменистое возвышение около немецкой деревушки Хохдорф. Потрясенные археологи засвидетельствовали, что их очаровательная коллега напала на первую неразграбленную могилу кельтского вождя! В погребении были обнаружены золотые вещи (кинжал, гребень, нож для бритья, ножницы) общим весом более полукилограмма! Сам вождь, имея гигантский для того времени рост (187 сантиметров), покоился на роскошном бронзовом диване на колесиках. А бронза тогда, 2500 лет назад, ценилась почти так же, как золото. Наиболее ценным экспонатом, обнаруженным в погребении кельтского вождя, оказался экипаж длиной 4,5 метра, окованный железом. Железо же было тогда во много раз дороже золота! Значит, покойный относился к числу очень богатых людей.

Обнаруженные вещи говорят о воинственном нраве кельтского владыки. Впрочем, миролюбие было весьма нетипичным свойством людей, живших в VI веке до н.э. Вообще, весь набор находок в захоронении свидетельствует о высокой культуре кельтов.

Кельтские сапоги со славянским орнаментом

Погребение кельтского вождя в Хохдорфе было признано «находкой века». Оно прояснило многие вопросы, и в частности то, что «самая немецкая из всех полноводных рек» Рейн, оказывается, имеет кельтское название. Это же относится и к другим «немецким» рекам. То есть территорию нынешней Германии населяли 2500 лет назад не германские племена, а кельты. После них эти земли заселили славяне, а уж потом сюда хлынул поток полудиких германцев. На золотой обкладке сапог кельтского вождя вытиснен крест в квадратной рамке с четырьмя точками. По свидетельству академика Б. Рыбакова, такой орнамент прослеживается, начиная с VIII века, на предметах быта древних русичей. Очевидно, вытесненные германцами славяне и кельты объединились и ушли на восток Европы. И для них началась новая история...

Велесова книга, спасенная от революции¹

Ее называют и «Дощки Изенбека», и елесова (Влесова) книга. Путь ее к широкому читателю был непрост. Он занял почти век и напоминает мрачный мистический детектив. Начало его восходит ко временам Гражданской войны.

Ехал в 1919 году офицер Белой армии, командир артиллерийской батареи Али Изенбек мимо имения князей Куракиных. Видит: усадьба разграблена и порушена... Казалось бы, чего искать белому офицеру среди печальных развалин? Однако будто был ему голос: «Останови коня. Войди в дом». Так обнаружил Изенбек эту книгу.

В одной из комнат разоренной усадьбы на полу среди опрокинутой мебели рассыпаны были плоские деревянные прямоугольнички странного вида. Дощечки, темные от времени, покрытые плотно вырезанными непонятными знаками, соединенными прямой бороздкой поверху. Многие бы решили: безделица. Но Изенбек, к счастью, был не только строевой офицер. В лучшие времена он участвовал в археологических экспедициях. Мир воспринимал глубоко и чутко. Писал картины... Почувствовалось ему: дощечки эти есть нечто, имеющее ценность непреходящую. Спасти их надо любой ценой.

Изенбек вывез «дощечки» из России при эвакуации Крыма. Так и ушла «Книга» князей Куракиных вместе с отступающей белой армией. Но что это такое, оставалось непонятным долгие годы. В Европе никто не сумел даже идентифицировать язык, на котором был написан текст на древних «дощках». Но вот однажды в Брюсселе случай свел спасителя наследия нашей древности с Юрием Миролюбовым, тоже эмигрантом, деникинским офицером, великим знатоком славянской старины. В те годы Юрий Петрович был одним из немногих уцелевших экспертов, знающих о «русских письменах» и старинных «текстах на дощках». Вот этому знатоку и показал свое сокровище Али Изенбек. «Дощек» было «два кожаных мешка». Миролюбов расшифровывал их без малого десять лет: с 1927 года по 1936-й. По мере продвижения дела отсылал переписанный оригинальный текст и его перевод в Русский музей Сан-Франциско. Туда же отправил и фотографии нескольких дощечек. Вся его деятельность протекала на квартире Изенбека. Али не позволял другу никуда выносить книгу из своего дома, проявляя непонятную тому осторожность.

Время показало, что осторожность была более чем оправданна. В 1941 году Изенбек скоропостижно скончался во время оккупации Бельгии немцами. Родственников у него не было, и по завещанию все имущество отошло Миролюбову. Но тут вдруг возникли странные бюрократические препятствия. Несколько недель наследнику не позволяли вступить в права. Попав же наконец на квартиру, Юрий Петрович с ужасом обнаружил: бережно хранимые Изенбеком дощечки исчезли – все до единой! Но мало того. Обнаружилось, что вообще весь архив Изенбека канул в небытие. Однако и это не все. Пропали даже фотографии дощечек из музея в Сан-Франциско. Кроме одной-единственной... Далее события развивались не менее странно.

Полтора десятилетия Миролюбову не удавалось организовать издание результатов работ. Публикация списков с исчезнувшего оригинала была начата лишь в 1953 году. Причем она оказалась возможной только в результате содействия одного влиятельного эмигранта. Примечательный был у него псевдоним: А. Кур (не Куракин ли?).

Особенной реакции на издание в мире не наблюдалось. Советские филологи, например, провели в 1960 году лишь подобие экспертизы. Изучили только 0,5 процента всех текстов. И этого оказалось достаточно, чтобы вся книга князей Куракиных попала в разряд фальшивок! Дескать, Миролюбов и всякие там прочие белые офицеры, враги народа, сами все сочинили.

¹ По материалам Д. Логинова.

Так бы и теперь думали. Только вот... «сочиненный» текст обладает, как теперь выяснилось, серьезной предсказательной силой. Подоспели археологические открытия. В 1980-е годы вели раскопки в бассейне Припяти. Из текста дощечек можно понять: наши далекие предки жили по берегам этой реки в период II века до н.э. – III века. Именно там и были открыты поселения. И все совпало: к такому выводу пришли как отечественные, так и западноевропейские эксперты.

А в 90-е годы группа историков занялась тщательным исследованием хронологии древней Киммерийской царской династии. Опубликовали результаты. И тогда вдруг выяснилось, что они совпадают с данными, приведенными в книге новгородских волхвов. Как это все понять? «Выдуманый» текст опередил науку на 30 лет? «Фальсификаторы» обладали даром провидения, какие открытия будут сделаны по их смерти? Эти и другие примеры приводит Виктор Грицков, занимающийся изучением «дощек» Изенбека с 1992 года. Он утверждает: «Книга князей Куракиных – безусловно подлинный, уникальнейший памятник глубочайшей древности».

Прорисовка одной из дощечек Велесовой книги

«Дощка», нумерованная II, 16.

Именно так называется дощечка, фотография которой сохранилась. Написано на ней приблизительно следующее: «Знаковая Книга сия, [открой] Исток Богу нашему, коий бо есть прибежище и сила!

В оны (известные от Начала?) времена был муж, який был благ неколебимо, [и] который наречен был Иако. [Он был] отец [Девы], Тивериадец.

И этот муж имел жену и дочь Деву, оное (знатное) стадо коров и многочисленных овнов.

С[вятая] Оная шла путем тайным, нигде не познала мужа.

[Иако же] про дочь свою так молил богов, чтобы род его не пресекался.

А та мольба услышана была Дажьбогом, ибо уже пришел час Его. И Он дал измеленное: пришел меж нас, имея еще вернуться.

На Нем была ясна туча – то новорожденный Младенец нес Божий знак.

И вот мы отправились в странствие, имея [дары] до Бога нашего, которому речена хвала: будь благословен, Царь, ныне, присно и от века до века!

Сказано, о кудесники: те [отправившиеся] найдя, порекли так и назад вернулись».

Во времена Иисуса Христа на берегу обширного Галилейского озера, между Магдалой (откуда родом св. Мария Магдалина) и Адамой, располагался город Тивериада. Но это еще не все. Само Галилейское озеро именовалось в те времена морем Тивериадским. Тивериадой (реже – Генисаретом) называли также всю область к западу от этого озера-моря, то есть

прежде всего всю Галилею по Назарет включительно. Именно галилеянами, то есть тивериадцами, тиверийцами, были родители Пресвятой Девы Марии, Матери Иисуса.

Небезынтересно также, что в ту эпоху, когда проповедовал Иисус, обширной Римской империей, и в том числе Сирийской ее провинцией, частью которой значилась Галилея, правил император Тиберий. Поэтому дощечка может указывать также и на временной период, близкий Тиберию.

Очень интересен образ «ясна туча». В точности такой же встречаем в предании о Рождестве Христовом, записанном Иустином Философом из Сихема (нынешний Неаполь), жившим в Палестине во II веке. «Ночью, на пути в Вифлеем, пришло Марии время родить. Иосиф поместил Ее в пещере, в которой держали скот, а сам отправился искать повитух. И вдруг произошло нечто странное. Иосиф шел, но не двигался. Глядел на небо и видел, что остановился небесный свод. Все остановилось и на земле. Животные перестали жевать. Пастух, поднявший кнут, замер. Вкушавшие при дороге пищу не донесли руки к устам своим. В это мгновение родился Сын Божий. Иосиф же, найдя повитуху, говорил ей, что помощи ожидает Дева, которая обручена ему, но не жена, и зачала от Духа Святого. Повитуха пошла с Иосифом, и они увидели: «некое ясное облако озарило пещеру, воссиял свет великий...»

Два слова «ясна туча», поставленные рядом, производят впечатление сродни словам «черный снег» или «сладкая соль». То есть такое выдумать – невозможно! Но если человек пытается передать непосредственное впечатление от поразившего его необыкновенного события, он как раз употребляет именно необычные сочетания слов.

Психологически это, может быть, наиболее значимый аргумент, позволяющий утверждать: в каком-то поколении учителями новгородских волхвов (хранителей Велесовой книги) были странники, видевшие Младенца собственными глазами. Невероятно! – скажет наш современник. А между тем на Руси еще несколько веков назад считали именно так. На суздальской иконе «Рождество Христово» (XVI в.) волхвы изображены в характерной русской одежде – отороченные мехом плащи и шапки. Такие одеяния не встречаются на иконах, посвященных иным событиям эпохи Христа. Подобное можно видеть лишь на образах уже русских святых, например Бориса и Глеба. Причем все остальные фигуры суздальского «Рождества» – повитухи, пастух, Иосиф – облечены в одежды, обычные в Палестине: покрывала от солнца, широкополые шляпы.

И еще интересная деталь. Религиозные живописные произведения Запада обыкновенно представляют волхвов подносящими дары. Русский же иконописный канон другой – все три волхва изображаются на конях. Так и на «Рождестве» суздальском. Фигурка коня изображена в левом верхнем углу дощечки Велесовой книги, говорящей о Рождестве. Это изображение на «дощке II, 16» специально отмечается в рукописи перевода ее Ю.П. Миролюбовым. Рисунок коня, как и высокий пафос начальной фразы, отличает данную дощечку от остальных. Вспомним эту фразу: «Знаковая Книга сия, [открой] Исток Богу нашему, коий бо есть прибежище и сила!» По-видимому, посвященный далеким векам стремился дать ясный знак: речь идет о реальном длительном путешествии и о событии, не сопоставимом по важности ни с каким другим.

«Рождество» суздальское отображает ясно не одну лишь пещеру, но также гору. А между тем о горе не говорит ни один источник, за исключением древнерусской ведической легенды. Иконописцы еще не столь далекого прошлого принимали этот канон. Они же и воспринимали «волхвов с Востока» как русов. Ибо православные иконописцы отказывались изображать одного из волхвов «очень смуглым», несмотря на то что так требовал канон византийский.

Подобное упорство не было безосновательным. О том свидетельствуют новейшие исследования о перемещениях народов за длительные исторические периоды. Известный писатель и историк Владимир Щербakov полагает: географически близкий к Тивериаде трояно-фракийский регион во времена Иисуса Христа был... русским. Фракийское племя, объединившее

другие племена этой области, называло само себя русами. Античные же авторы именовали их одрюсами. Владимир Щербаков приводит не только описание внешности и обычаев, но также имена великих князей русов-одрюсов: Садко, Сев, Котко... В первые века по Р.Х. началось великое переселение народов трояно-фракийского региона на север. Одрюсы пришли из Фракии на Днепр... Щербаков прямо говорит о том, что Киевской Руси предшествовала Русь Фракийская. Так что предшественникам новгородских волхвов не надо было преодолевать во времена Святого семейства слишком большое расстояние, чтобы оказаться в Палестине.

К сказанному надо добавить следующее. Древнеславянские ведические предания содержат поразительное пророчество, которое было известно на русской земле задолго до Рождества Христова. Вот оно:

«Дева породит Божича (Сына Бога).

Повитухою будет Жива.

Свершится это в пещере на горе сарачинской (земли сарачин, или сарацин – древнее название Палестины).

Запляшут над пещерою в небе Месяц и часты звездочки.

А от горы увидят в ночи сияние, как от Солнца.

Сберутся к этой пещере сорок царей, сорок князей, сорок волхвов от всех родов.

Увидят у Младенца в руках они Книгу Ясную.

И Книга будет учить волхвов, и князей, и царей земли.

И сделается та сарацинская гора – золотая...»

Причем подобное предсказание содержит не одна только Веда славян. О воплощении Христа предрекали также Пураны Индии, написанные за тысячи лет назад.

В наше время можно считать доказанным (так полагают авторитетные ученые Бал Гангадхар Тилак, Дурга Прасад Шастри и другие), что индуизм и древнеправославие (ведизм) русов происходят от одного корня. И корень тот есть Северная традиция – древнейшее на Земле духовное богомировоззренческое учение. Предание повествует, что эта Северная (или Русская) традиция была унаследована ариями от арктов. То есть от легендарного народа затонувшей Арктиды – северного полярного континента, который изображает знаменитая карта Меркатора.

Произошла передача учения «две тьмы» (20 000 лет назад), когда, как повествует Велесова книга, аркты под водительством князя Яра пришли через Белое море «в край Русский».

Працивилизация Арктида намного превосходила нынешнюю, существующую на Земле. В частности, аркты обладали даром пророчества. Авторитет унаследованного от них учения был так высок, что веру в истинность их пророчеств разделял в праантичные времена весь мир. Отсюда понятно, почему индоарийские ведические тексты предсказывали пришествие Сына Божия в этот мир много раньше, полнее и обстоятельнее, чем, к примеру, хрестоматийный Ветхий Завет.

Но все это – лишь малая часть великой картины прошлого, которую открывает нам Велесова книга.

Великая стена... на Волге²

Если внимательно рассмотреть карту Самарской области, то можно заметить нечто любопытное. Через всю губернию тянется зубчатая, как борона, линия. Мимо Самары, мимо Водина, Суходола – куда-то далеко на северо-восток. Такими линиями на топографических картах обозначают оборонительные сооружения и дамбы. Только от кого и кто оборонялся в суходольских степях – непонятно. Тем более дамба там явно ни к чему – вокруг безводная степь на десятки километров.

Это одно из самых загадочных и колоссальных сооружений края истории называли Заволжским валом. В учебниках местной истории про него ничего не сказано. По крайней мере, в тех, по которым нас когда-то учили. Зато современные историки-альтернативщики Заволжским валом сильно заинтересовались. И вот почему. Солидная земляная насыпь с ровом, как установлено, начинается где-то в устье реки Чагры, тянется через несколько областей, уходит в Татарстан и теряется в предгорьях Среднего Урала. Общая длина – не менее двух тысяч километров! Считается, что ее построили по приказу императорских сановников Василия Татищева, Петра Рычкова и Ивана Кирилова в XVII—XVIII веках. Для защиты от кочевников.

Что правда – то правда. Отцы городов поволжских радели за безопасность своих граждан. Они действительно строили укрепления, о чем сегодня сообщают архивы – впрочем, весьма скупо и без подробностей.

А теперь попробуем решить простую задачку. Подсчитайте, сколько потребуется землякопов, чтобы насыпать крепостной вал длиной хотя бы несколько километров и высотой метра два-три (чтобы можно было вооруженного конника притормозить). А времени на такую работу сколько уйдет?

Десятки лет, если не века! Между тем про строительство Заволжского вала ни в архивах, ни в легендах – ни слова! Разве не странно?

Уже только названных фактов было достаточно, чтобы спешно собраться в экспедицию. На первый раз – с целью разведки.

...От Самары едем в поселок Алексеевку, а потом пешком по Усть-Кинельской дороге, внимательно глядя по сторонам – не дай Бог, пропустим заветную достопримечательность. Не пропустили. Магистраль рассекала насыпь как раз возле перекрестка. Мы пошли вдоль нее налево, в сторону дачного массива.

Да, время изрядно потрудились над этим шедевром рук человеческих. Если не знать, что перед нами искусственное сооружение – можно запросто принять за обычную канавку или овражек. За долгие века грунт сполз в ров, и теперь в самом глубоком месте со дна до гребня едва ли будет больше трех метров. Местами вал вообще прерывается, но через несколько метров вновь поднимает землю длинным горбом. Вдобавок все кругом так густо заросло бурьяном, что истинных очертаний сооружения уже не разглядеть. Историки из самарской группы «Авеста», изучавшие вал севернее, возле села Водина, уверяют, что там он все еще вздымается на высоту около пяти метров и имеет на разрезе вид почти правильной трапеции. Еще они установили, что в «фундаменте» стены лежит каменная насыпь, что подтвердилось тут же, на развилке дачной дороги. Свежее обнажение открыло аккуратную кладку плоских камней, скрепленных, видимо, раствором глины. Тут же рядышком потомки постарались – вывалить груды цемента, смешанного со щебенкой. Наверное, чтобы грунт с насыпи на огороды не полз.

² По материалам Л. Любославовой.

Вообще местные дачники с памятником истории обращаются безо всякого почтения: одни забросали ров мусором почти доверху, другие разровняли там местечко и посадили картошку. На мой фотоаппарат они посмотрели удивленными глазами и заявлению об исторической ценности вала, судя по всему, не поверили.

...Сгорки открылся изумительный вид: холмы, поля, скошенные луга, расчерченные кое-где зелеными лесополосами. Вниз по увалу ведет узкая тропка – там прячется в зарослях речка Падовка, воробью по колено. Просторы распахнуты на десятки километров – и в эту синюющую даль неторопливо уходит древний вал. Отсюда, сверху, он хорошо различим по четкой тени, отброшенной на стерню.

Интересно, кому первому пришла в голову идея перегородить степь? Трудно поверить, что императорским сановникам. Во-первых, здравомыслящий человек поймет: таким способом орду кочевников не остановишь. Во-вторых... Вот мы просто вдоль насыпи идем, и то на десятом километре уже устали. А если бы мы тут с лопатами продвигались? Экскаваторов-то при Татищеве не было... Не проще ли ему укрепить людское поселение по периметру, чем ставить столь дорогостоящий заслон? Скорее всего, тогдашние переселенцы-россияне всего лишь местами реконструировали уже имеющееся сооружение. Чье?

Самарская земля хранит много тайн

Сидя на холме под палящим солнцем, мы представили себе эпическую картину: защитники вала плечом к плечу стоят на гребне, а с северо-востока на них черной тучей надвигается несметное вражеское войско... Стоп! Почему с северо-востока? Ногайцы пришли бы с юга. Так? А ров почему-то выкопан с северной стороны вала.

В памяти почему-то возникли доисторические курганы, оставленные в заволжских степях загадочными племенами огнепоклонников. Некоторые из них поразили археологов своими циклопическими размерами. Например, курган возле села Кашпир (Сызранский район) составлял пятьдесят метров в диаметре и не менее двух в высоту. Его насыпали примерно на рубеже третьего-четвертого тысячелетий до нашей эры над могилой мужчины. Он был огромного роста и, вероятно, занимал высокое положение среди соплеменников. Иначе зачем бы его хоронили с такими почестями? Можете представить, каким гигантским был когда-то могиль-

ный холм, если дожди и вешние воды не смогли размыть его за пять тысяч лет! Не забудьте, что в то время металлических лопат еще не изобрели, и орудовать приходилось каменными топорами. Хотя, может быть, тогдашние волжане знали какой-то секрет?

Еще вспомнили гипотезы о том, что племена индоариев в незапамятные времена пришли в Индию именно из наших краев, то есть они продвигались по равнинам Волги и Урала, когда неведомая беда заставила их переселиться с севера на юг. На пути они оставили немало свидетельств своего пребывания: могильники и остатки поселений (самое крупное из них – протогород Аркаим в Челябинской области, покинутый жителями быстро и без видимых причин). Уже потом странники разделились на два потока и в конце концов обосновались в Иране и Индии. Свое историческое прошлое они запечатлели в текстах «Ригведы» и «Авесты», где подробно рассказали о сражениях людей с демонами-ракшасами, о покинутой родине и ее чудесных городах. Уж не здесь ли сражались с ракшасами легендарные дэвы? Тогда кого они называли ракшасами, можно только гадать...

Анна Ярославна: русская княжна на французском троне³

Она жила много столетий назад и была дочерью киевского князя Ярослава Мудрого. Совсем юною ее выдали замуж за французского короля Генриха I. Говорят, что Анна была красавицей, знала несколько языков и на удивление всем прекрасно гарцевала на коне. Вот, пожалуй, и все точные сведения о ней, дошедшие из глубокого прошлого. Не сохранилась даже могила Анны Ярославны. Более того, никому неизвестно, в какой стране ее похоронили.

Во Франции ее глубоко почитают до сих пор.

В Реймсе, неподалеку от знаменитого собора, можно увидеть панно, на котором начертаны имена всех французских монархов и их жен, которые короновались в этом городе. И среди них имя королевы Анны, которую 19 мая 1051 года короновал вместе с ее супругом Генрихом I архиепископ Реймский Ги де Шатильон.

Остановив свой выбор на Анне, французский король руководствовался чисто политическими соображениями. Ведь если верить историческим свидетельствам, его больше интересовало общество молодых пажей, чем красивых женщин. В ту далекую эпоху за Киевской Русью прочно утвердился авторитет мощного европейского государства, с которым считались и перед которым даже заискивали. Многие иностранные властители считали честью для себя породниться с Ярославом Мудрым. А тот, в свою очередь, позволял себе выбирать, подыскивая для дочерей наиболее подходящих женихов.

Анна Ярославна

Неслучайно Анастасия, одна из сестер Анны, стала венгерской королевой. Другая сестра – Елизавета – вышла замуж за норвежского монарха. Первоначально Анну сватали за германского короля Генриха III. Но их брак не состоялся. И тогда возникла кандидатура французского короля Генриха I, который к тому времени овдовел. Ему много говорили о том, что

³ По материалам Н. Шевцова

далеко-далеко, в славянских краях, живет молодая, красивая, образованная и умная принцесса. Последние два ее качества особенно заинтриговали Генриха, который, как и подобало многим «просвещенным» монархам той эпохи, был неграмотным.

Но не так-то легко оказалось заполучить в жены дочь киевского князя. Первое свадебное посольство Генриха вернулось ни с чем. И лишь второе сумело получить согласие Ярослава Мудрого. После этого Анна оказалась во Франции.

Средневековые хроники повествуют о ней как о мудрой и справедливой королеве, глубоко почитавшей, хотя и не любившей своего мужа. Судя по всему, она оказывала влияние на управление страной. Во всяком случае, на некоторых из дошедших до нас государственных документах стоит ее подпись.

Существует предположение, что Анна, в силу физиологических особенностей своего супруга, долгое время не могла подарить ему наследника. Чтобы вымолить его у Всевышнего, она основала в городе Сен-Лисе, где поселилась королевская чета после свадьбы, аббатство Сен-Венсен. Оно существует и поныне, хотя, конечно же, многое изменилось за тысячу лет в архитектурном облике его зданий.

Сен-Лис расположен примерно в сорока километрах к северу от Парижа, совсем недалеко до столичного аэропорта «Шарль де Голль». Огромный собор с резными порталами, узкие улочки, где нет ни одного дерева, и аккуратная рыночная площадь, окруженная домами, верхние этажи которых поддерживают могучие каменные столбы с арками. Все сохраняется, как во времена Средневековья.

Если вы зайдете в собор и поинтересуетесь, как же попасть в аббатство Сен-Венсен, вы поймете, что об Анне Ярославне до сих пор помнят в Сен-Лисе. Королеву здесь называют не иначе как Анна Киевская.

В аббатстве сейчас разместились лица. Вокруг древних построек – пустынное пространство. Подойдя поближе к древнему храму, можно увидеть женскую статую из камня. В одной руке она держит миниатюрную конструкцию собора, а в другой – лотос, символ королевской власти. На постаменте надпись: «Анна Киевская. Королева Франции. Она основала сию обитель под покровительством Святого Венсена 21 апреля 1060 года».

Господь Бог услышал молитвы Анны и подарил ей троих сыновей, старший из которых Филипп после смерти своего отца стал королем Франции. Но ему было всего девять лет, а потому вместе с ним правила и его мать. Королева никогда не забывала близкое ее сердцу аббатство. Сохранился документ: «Я употребила свои личные средства, которые мой супруг король Генрих преподнес мне в дар в день нашей свадьбы. С одобрения моего сына и с согласия всех знатных рыцарей королевства я предоставляю все деньги этому аббатству, чтобы там могли жить и служить Богу монахи в соответствии с законами Святых Апостолов и Блаженного Августина».

Примерно через год после смерти короля Анна вновь вышла замуж. Ее избранником стал граф Рауль де Крепи де Валуа – потомок Карла Великого. Но граф уже был женат, а потому папа римский Александр II, изучив жалобу жены Рауля де Крепи, отказался признать новый брак. Однако недовольство Папы не помешало супругам вместе с Филиппом практически втроем управлять страной. Так продолжалось до 1074 года, пока Анна опять не овдовела.

Никто не знает, как сложилась ее дальнейшая судьба. Последняя подпись королевы относится к 1075 году. Есть версия, что она умерла в 1089 году. Во всяком случае, именно тогда церкви Святого Квентина были преподнесены богатые дары для молитв за упокой души скончавшейся королевы. Но где же находится ее могила? В 1682 году монах отец Менетрие обнаружил в одной из расположенных неподалеку от Парижа церквей надгробный камень с изображением женщины с короной на голове. На нем можно было разобрать написанное по-латински имя «Агнес». Не исключено, что именно здесь и похоронили королеву, учитывая, что имена «Анна» и «Агнес» часто воспринимались как схожие. Но церковь, где обнаружили надгробие,

возникла в 1220 году, намного позднее смерти Анны. Так что, скорее всего, монах нашел захоронение другого человека.

Есть и другая версия. Она подробно излагается в вышедшей в 1988 году во Франции книге «Под небом Новгорода». Роман, написанный Режином Дефорж, вызвал колоссальный читательский интерес и превратился в настоящий бестселлер. Автор попыталась рассказать о жизни и смерти Анны Ярославны: «Жители Сен-Лиса с огромной радостью увидели одетую в меха королеву. Проходя по городским улицам, она останавливалась у прилавков, беседовала с торговцами и ремесленниками, бросала милостыню нищим, которые следовали за ней на почтительном расстоянии, ласкала детей и пробовала молоко, которое надаивали в ее присутствии. Королева смеялась над шутками своих придворных и вместе с простым народом присутствовала на мессе».

Если верить автору, королева Анна пользовалась уважением и поддержкой многих влиятельных рыцарей, в том числе знаменитого герцога Нормандского по прозвищу Вильгельм Завоеватель – покорителя Англии. Именно он среди других знатных особ присутствовал при отплытии Анны на свою родину. С согласия своего сына королева покинула Францию и отправилась в Новгород. Трудно сказать, что побудило ее к этому решению. Но Р. Дефорж строила свою версию не на пустом месте. Легенда гласит, что Анна вновь оказалась на Руси.

Однако ей не суждено было живой добраться до Новгорода. В пути она тяжело заболела и умерла у самых городских стен. Согласно завещанию королевы, ее похоронили по языческому обряду, уложив тело на подожженный плот, который пустили по воде.

Государство-призрак, или Русская Атлантида⁴

Хазары, о которых упоминает великий русский поэт в «Песне о вещем Олеге», и доньне остаются одной из загадок истории. Известно лишь, что у киевского князя были достаточно веские основания для мицения: в начале X века хазары победили и обложили данью многие славянские племена. В 965 году, отмечает «Повесть временных лет», «иде Святослав на козары... и бывши брани, одоле Святослав козарам и город их Белу Вежу взя». До того, как разрушить на Дону крепость Белую Вежу (Саркел), князь освободил вятичей, разгромил волжских болгар и, покорив хазарскую столицу Итиль, спустился из дельты Волги вдоль берега Каспия на юг, к городу Семендеру, который постигла печальная участь Белой Вежи.

Уже из этого описания Хазария представляется обширной державой, «села и нивы» которой киевский князь «обрек мечам и пожарам».

Кажется, не было такого евразийского народа, хроники которого не упоминали бы о хазарах. Летописи арабов утверждали, что кагану (царю) платили дань племена от Дуная до Северного Урала, и он был посредником в торговле между Византией и Китаем. Армяне и турки вспоминали о частых вторжениях хазар в Закавказье, а грузины писали, что каган, не добившись миром руки их царевны, разрушил Тбилиси.

Византийцы пишут о Хазарии как о союзном им государстве (на троне в Константинополе сидел даже ставленник кагана Лев Хазар): «Корабли приходят к нам из их стран и привозят рыбу и кожу, всякого рода товары... они с нами в дружбе и у нас почитаются... обладают они военной силой и могуществом, полчищами и войсками». Летописцы рисуют величие столицы Итиль, описывают утопающий в садах Семендер и крепость Беленджер, стена которой мощнее знаменитых стен Хорезма.

Все говорят о хазарах, и только хазары ничего не рассказывают о себе. Почему? Быть может, их летописи просто не сохранились? А может, не было у них ни письменности своей, ни языка? И все же от могучей страны должно же было хоть что-то остаться – развалины крепостей, монеты, захоронения, черепки посуды...

⁴ По материалам А. Самойлова.

Хазарский воин, ведущий пленника. Рисунок на сосуде IX в.

Археологи копали на Дону, на Волге, на Кавказе – увы, ничего. Словно хазары были не люди, а призраки, а города их, словно таинственный Китеж, бесследно провалились сквозь землю. В Лету канула целая империя!

В письме хазарского царя Иосифа сановнику Кордовского халифата Хасдаи ибн Шафруту говорится:

«Я тебе сообщаю, что я живу у реки по имени Итиль, в конце реки Г-р-ган... У этой реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных стенами городах... Все они мне служат и платят дань. Оттуда граница поворачивает по пути к Хувезуму (Хорезму), доходя до Г-р-гана. Все живущие на берегу этого моря на протяжении одного месяца пути, все платят мне дань. А еще на южной стороне – Самандар в конце страны... а он расположен на берегу моря. Оттуда граница поворачивает к горам».

Далее хазарский царь в письме к арабскому сановнику Хасдаи ибн Шафруту перечисляет подвластные ему племена: «Они многочисленны, как песок... Все они служат мне и платят мне дань. Место расположения их и место жительства их простирается на протяжении четырех месяцев пути. Знай и уразумей, что живу я у устья реки с помощью всемогущего. Я охраняю устье реки и не пускаю Русов... идти на исмальтян и точно так же врагов их (исмальтян) на суше приходиться к Воротам. Я веду с ними войну. Если бы я их оставил в покое на один час, они уничтожили бы всю страну исмальтян до Багдада...»

Ты еще спрашивал меня о моем местожительстве. Знай, что я живу у этой реки, с помощью всемогущего, и на ней находятся три города. В одном живет царица; это город, в котором я родился. Он велик, имеет 50 на 50 фарсахов в длину (и ширину). Во втором городе живут иудеи, христиане и исмальтяне... Он средней величины, имеет длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я сам, мои князья, рабы и служители и приближенные ко мне

виночерпии. Он расположен в форме круга, имеет в длину и ширину 3 на 3 фарсаха. Между этими стенами тянется река. Это мое пребывание во дни зимы.

С месяца нисана мы выходим из города и идем каждый к своему винограднику и к своей полевой работе. Каждый из наших родов имеет еще наследственное владение, полученное от своих предков, место, где они располагаются... И я, мои князья и рабы идем и передвигаемся на протяжении 20 фарсахов пути, пока не доходим до большой реки, называемой В-д-шан, и оттуда идем вокруг нашей страны, пока не придем к ее концу...

Таковы размеры нашей области и места наших стоянок. Страна (наша) не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых выращивается много рыбы. Есть также в ней у нас много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошаются из нашей реки...

Я еще сообщаю тебе размеры пределов моей страны... В сторону востока она простирается на 20 фарсахов пути до моря Г-р-ганского; в южную сторону на 30 фарсахов пути до большой реки по имени Уг-ру, в западную сторону на 30 фарсахов до реки по имени Бузан и склона реки к морю Г-р-ганскому.

Я живу внутри острова, мои поля и виноградники и все нужное мне находится на острове. С помощью бога всемогущего я живу спокойно».

Историки сомневались в подлинности письма царя хазарского. Но вот совсем недавно в Каире обнаружили письма того самого Хасдаи ибн Шафрута, которому отвечал Иосиф. Сановник действительно жил в X веке в Испании, при дворе халифа Абдрахмана III! Более того, эти письма имели прямое отношение к хазарам, и Хасдаи просил императора Византии Константина Багрянородного дать ему корабль, чтобы достичь Хазарии.

Византия в то время воевала с хазарами, и некий адресат из Константинополя отвечает сановнику, что действительно существует страна, «называющаяся ал-Хазар, что между ал-Кунстантинией (Константинополем) и их страной 15 дней пути, но что сухим путем меж ими и нами находится много народов, что имя их царя Иосиф».

Тогда Хасдаи ибн Шафрут посылает свое письмо посуху через всю Европу и, вероятно, таким же образом получает из Хазарии ответ. Посланию Иосифа можно доверять, многие факты из него подтверждаются русскими, арабскими, армянскими и византийскими источниками.

Так где же находилась Хазария и велика ли была она? Чтобы получить правильный ответ, следует прежде всего уяснить, что такое фарсах. Если это мера длины, подобно арабскому фирсаху (около 13 километров), тогда хазарские города окажутся слишком большими, а сама страна маленькой. Если же это мера усилий, которые тратят на дорогу, вроде таджикского чак-рыма (он меньше в горах, больше на равнинах), то все запутывается чрезвычайно.

Сверив сведения царя Иосифа с современной географической картой, поймем: он имел в виду какую-то совсем иную страну. Что такое Уг-ру? Рукав Волги или Кубань? Каким образом Бузан может вытекать из Уг-ру? Допустим, оба они – два рукава Волги, но тогда почему Иосиф так долго путешествовал внутри такого пятачка?

Судьбы прикаспийской Хазарии были тесно связаны со своенравным Каспийским морем. Оно то отступает, обнажая огромные площади берегов, то заливают низины степей. Сейчас уровень его вод примерно на 26 метров ниже поверхности Мирового океана. А каким он был во времена расцвета Хазарии, то есть в VI—X веках нашей эры?

Мифы повествуют, что Язон, который отправился за золотым руном в Колхиду, доплыл оттуда и до Каспия. Значит, вполне возможно, что Черное море и Каспий сообщались тогда между собой. Более того, на некоторых древних картах Каспийское море простирается на север, сливаясь с Балтийским.

Соратники Александра Македонского – историк Аристобул и мореплавателю Патрокл – отмечали, что в Каспий через пересохшее ныне русло Узбоя впадала Амударья, но при ее впадении образовывались водопады. Значит, уровень моря был ниже, чем сейчас.

Однако все это относится к временам двух-трехтысячелетней давности. А каким был Каспий в эпоху Хазарии? Нет ли способа реконструировать климат, а значит, и природные условия той эпохи?

В хазарских хрониках нет ответа на такие вопросы, однако можно обратиться к летописям других народов. Самая удобная географическая точка для суждения о высоте Каспия – упоминаемые в письме Иосифа «Ворота» – Дербент с его знаменитой стеной, запиравшей путь в Закавказье. Московский купец Федор Котов так писал об этих местах: «А Дербень город каменный, белый, бывал крепок, только не люден. А стоит концом в горы, а другим концом в море. А длиной в горы больше трех верст. И сказывают, что того города море взяло башен с тридцать. А теперь башня в воде велика и крепка».

Судя по описаниям арабов, Дербентскую стену соорудили в середине VI века по приказу персидского шаха Хосроя Ануширвана. Огромные плиты (такую плиту могли сдвинуть лишь 50 человек) погружали на плоты из надутых бурдюков, транспортировали в море, там бурдюки разрезали – тяжелый груз опускался на дно.

Известный русский ученый Лев Гумилев в свое время усомнился в достоверности подобного способа возведения стены. Он рассуждал так: арабские историки увидели стену лишь в X веке, когда она действительно выступала далеко в море. Но ведь за время с VI по X век Каспий мог значительно изменить свой уровень. К тому же совершенно неясно, в каких целях понадобилось шаху перегораживать море, если стена – защита от сухопутных армий!

Л. Гумилев решил провести подводную разведку. Ему удалось обнаружить амфоры у самого основания стен. Значит, в VI веке в тех местах, где сейчас плещется море, в питьевой воде нуждались! Значит, стену строили на суше. Следовательно, в пору зарождения Хазарского государства уровень Каспия был намного ниже, чем сейчас, и огромные площади, залитые ныне морем, являлись тогда сушей!

Что же произошло в пору гибели Хазарии? Каспий продолжал наступать на берега. Уже в X веке Дербентская стена затоплена на протяжении 300 метров. В 1304 году под водой оказался персидский порт Абиверд. Итальянский географ XIV века Марина Сануто с горечью отмечает: «Каспийское море год от года прибывает, и многие хорошие города уже затоплены».

Да, драма Хазарии связана с Каспием. Еще в VII веке каганат владел огромными площадями плодородных земель. Обмелевшая Волга распадалась в дельте на множество протоков, непроходимых для кораблей. Хазары, прятавшиеся в густых камышах среди болот, были полными хозяевами волжского пути.

Но вот Каспий начинает заливать берега. «Села и нивы» хазар скрываются под водой. По многоводной Волге приходят на своих кораблях отважные русские воины. Святослав легко завоевывает хазарские города. Но владеть ими он уже не может: постепенно они становятся добычей моря. Так погибает каспийская Атлантида.

Где же она теперь? Очевидно, под толстым слоем наносов Волги, под каспийским дном. Но перед Атлантидой, о которой рассказал Платон, у нее есть, по крайней мере, одно преимущество: Хазария была огромной страной, и хотя бы часть ее должна находиться там, где сейчас суша.

Местоположение одной хазарской крепости известно было довольно точно – это Саркел (Белая Вежа). Византийские хроники указывали, что она находится на Дону, по дороге в Итиль. Ее разрушил Святослав, возвращаясь в Киев.

Профессор М. Артамонов нашел и раскопал Саркел. Но обнаружить хазар ему, увы, не удалось. Крепость охраняли степняки, наемники хазар. Ученый грустно констатировал, что «археологическая культура собственно хазар остается до сих пор неизвестной», и предлагал продолжать поиски в низовьях Волги.

Работы продолжил его ученик – профессор Л. Гумилев. Выдвинув гипотезу русской Атлантиды, он нашел захоронения, останки хазар на островках волжской дельты – в тех местах, которые не затоплялись водой. Но столицу Хазарии Итиль найти до сих пор не удалось.

Оригинально пытался разрешить противоречия древних хроник дагестанский исследователь М. Магомедов. Он искал хазарский город Беленджер. Но Беленджером хроники называют и город в Нижней Сарматии (так некогда называли Северный Дагестан), и реку, и стену, и целую страну. Одни и те же арабские путешественники помещают Беленджер и в четырех, и в восьми днях пути от Дербента, то к северу, то к югу от Семендера.

М. Магомедов верил им всем. Если в наше время есть одноименные города, реки и целые государства, то почему же их не могло быть в прошлом? А что, если Беленджером было несколько? Впрочем, так же, как и Семендеров? Тогда в четырех днях от Дербента стоял один Семендер, в восьми днях – другой город с тем же названием, а между ними – один из Беленджеров.

В 1969 году дагестанские археологи начали раскопки на реке Сулак. И на древнем караванном пути, с трех сторон защищенном горами, они обнаружили оборонительную башню. Правда, стена была известна и раньше, но она как-то не отождествлялась с городской стеной, ведь она ничего не окружала. И сам город оказался необычным: это было двадцать селений, расположенных в цветущей долине на берегу одной реки.

Но тот ли это город, о котором повествуют хроники? Однако ответа так и не получено. Русская Атлантида все еще хранит в вековой глубине золотые ключи от своих главных ворот.

А что думают на сей счет ученые?

Академик Б. Рыбаков считает, что международное значение Хазарского каганата нередко чрезмерно преувеличивалось. Небольшое полукочевническое государство не могло даже и думать о соперничестве с Византией или Халифатом. Производительные силы Хазарии находились на слишком низком уровне для того, чтобы обеспечить ее нормальное развитие.

В древней книге мы читаем: «Страна хазар не производит ничего, что бы вывозилось на юг, кроме рыбьего клея... Хазары не выделывают материй... Государственные доходы Хазарии состоят из пошлин, платимых путешественниками, из десятины, взимаемой с товаров по всем дорогам, ведущим к столице... Царь хазар не имеет судов, и его люди непривычны к ним». В качестве статей собственно хазарского экспорта автор указывает только быков, баранов и пленников.

«Отсутствие археологических следов хазарских городов, – по мнению Рыбакова, – делает очень неубедительными рассуждения о городском строе у хазар, а паразитарный характер государства, жившего по преимуществу за счет транзитной торговли, лишает нас возможности присоединиться к выводам о развитом феодальном строе каганата.

Размеры каганата очень скромны... Хазария представляла собой почти правильный четырехугольник, вытянутый с юго-востока на северо-запад, стороны которого составляли: Итиль – Волга от Волгограда до устья Хазарского (Каспийского) моря, от устья Волги до устья Кумы, Кумо-Манычская впадина и Дон от Саркела до Переволоки.

Хазария была... небольшим ханством кочевников хазар, долгое время существовавшим лишь благодаря тому, что превратилась в огромную таможенную заставу, запиравшую пути по Северному Донцу, Дону, Керченскому проливу и Волге».

А вот Лев Гумилев назвал гибель Хазарии трагедией прикаспийских Нидерландов. Читатель исторически образованный знает, что хазары были могучим народом, жившим в низовьях Волги... В числе подданных хазарского царя были камские болгары, бургасы, сувары, мордва-эрьзя, черемисы, вятичи, северяне и славяне-поляне.

На востоке это царство граничило с Хорезмом, то есть владело Мангышлаком и Усть-Уртом, а значит, и всеми степями Южного Приуралья.

На юге пограничным городом был Дербент, знаменитая стена которого отделяла Закавказье от хазарских владений.

На западе весь Северный Кавказ, степной Крым и причерноморские степи до Днестра и Карпат подчинялись хазарскому царю, хотя их населяли отнюдь не хазары...

Читатель – историк или археолог – ставит множество вопросов: каково было происхождение хазар, на каком языке они говорили, почему не уцелели их потомки... Хазары умирали – куда девались их могилы? Хазары размножались – с кем слились их потомки? И, наконец, где располагались поселения хазар?

Обычно территорию, на которой обитал когда-то какой-либо народ, подлежащий изучению, находят без труда. Иногда бывают споры об определении границ области расселения и времени заселения тех или иных местностей, но это детали все той же проблемы. Зато восстановление истории народа встречается с разнообразными и не всегда преодолимыми трудностями. При разрешении хазарского вопроса все получилось как раз наоборот.

Соседние народы оставили о хазарах огромное количество сведений... Мы легко можем прочесть, какие победы одерживали хазары и какие поражения, но, как было уже сказано, о том, где они жили, каковы были их быт и культура, представления не имеем.

...Диаметрально противоположна точка зрения Б. Рыбакова. Он называет Хазарию «небольшим полукочевническим государством паразитарного характера, жившим за счет транзитной торговли».

С Б. Рыбаковым согласиться невозможно, ибо еще до того, как торговля пошла по волжскому пути, хазары уже имели сильное и отнюдь не наемное войско, спасшее в 627—628 годах императора Ираклия от разгрома.

В X веке Хазария оказалась в осаде. С севера, по высыхающим степям двигались кочевники, гонимые голодом и жаждой...

С юга неуклонно наступала морская вода. Она медленно заливала плоский берег – «Прикаспийские Нидерланды», губила посевы и сады, набегами разрушала деревни. К середине X века уже две трети хазарской территории оказалось под водой... Море и засуха продолжали давить с двух сторон... В конце XIII века уже вся страна была покрыта морем...

Да, Хазария – это в полном смысле русская Атлантида.

Сага о «Новых русских» из рода Инглингов⁵

В одной из своих работ российский историк Евгений Владимирович Пчелов приводит сведения о легендарном и начальном этапах происхождения Рюрикова племени. В составленных им таблицах отражена родословная Инглингов, одного из древнейших не только в Скандинавии, но и во всей Европе родов, давших многих королей (конунгов) средневековой Швеции и Норвегии. Согласно преданиям, сохранившимся в форме саг, Инглинги произошли от самого бога Одина, сына его Ингви и внука Ньорда, бога морей. По другому, более реальному варианту, некий Ингьялд и его жена Герд стали основателями этого рода.

В схеме, приведенной Пчеловым, от Одина до конунга Олава Щетконунга указано целых 35 колен Инглингов, что, конечно, совершенно не вяжется со сведениями, приведенными в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, где рождение Ингьялда отодвигается приблизительно к началу VIII века. Однако легко допустить, что здесь идет речь не об Ингви Фрейере, время рождения которого теряется в глубине веков, а об его далеком потомке Ингиальде, сыне конунга Энунда Дороги, пращура Харальда Прекрасноволосого, реального короля Норвегии. Этот Ингиальд жил, очевидно, где-то на рубеже VII—VIII веков. Его же отец Энунд прославился тем, что вел интенсивное дорожное строительство в сложных условиях залесенной и сильно пересеченной местности, какой была тогда почти вся Скандинавия. За свою деятельность энергичный конунг и получил такое меткое прозвище.

Теперь обратимся к другой ветви этого разветвленного родословного древа, давшей целую плеяду конунгов Швеции. Родоначальником обеих ветвей был конунг Ингварь, о коем следует упомянуть хотя бы потому, что его имя в русифицированной форме – Игорь – стало широко распространенным среди потомков Рюрика. Внук первого Ингваря, Ратбард, был женат на Ауд Богатой. Возможно, после ранней смерти мужа Ауд вышла вторично замуж за Хрерика (Рюрика) Метателя Колец, предка Рюрика (Хрерика) Новгородского, от которого ведет свое начало многочисленное племя Рюриковичей.

Рандвер, старший сын Ауд Богатой и Ратбарда, дал начало роду шведских Инглингов, но подлинная история Шведского государства начинается обычно не с него, а с его далекого потомка Эйрика (Эрика) сына Эймунда (Эмунда), ставшего королем шведским где-то около 850 года и умершего в 882 году. Ему наследовал сын Бьерн, передавший власть сразу двум своим сыновьям Олаву и Эйрику Сегерсвеллу (Победителю). Олав правил недолго, а Эйрик Победитель умер в 994 году, завещав королевство младенцу-сыну Олаву Щетконунгу. О беспокойной молодости короля Олава говорит само его прозвание, которое часто переводят как «пола плаща», в которой мальчика несли близкие ему люди, укрывая от возможных покушений на его жизнь.

Олав Щетконунг замечателен также тем, что через 14 лет после того, как стал королем и достиг совершеннолетия, в 1008 году принял христианство. Это случилось на два десятка лет позже крещения Руси его дальним родичем Владимиром Святославичем, получившим за то прозвание Святой.

Великий князь Киевский Владимир, возможно, имевший еще одно имя – Солнце или Красное Солнышко, как его обычно именуют наши былины, любил весело пожить. Он был просвещенным человеком и крупным политическим деятелем. Однако и он не лишен был, с нашей точки зрения, некоторых недостатков, к числу которых строгие блюстители нравов относили излишнюю любовь князя к горячительным напиткам и женщинам. Следствием чего явилось большое количество сыновей от разных жен, которым великий князь постарался передать уделы еще при своей жизни.

⁵ По материалам доктора исторических наук В. Кюнтцеля.

Рунический камень из Грисхольма

Но жизнь его вскоре оборвалась при стрессовой ситуации, когда Владимир собирался в поход на непокорный Новгород, где сидел один из его сыновей Ярослав. Сразу же после кончины великого князя завязалась упорная борьба между наследниками, большая часть которых погибла от рук своей же братии. Особенно упорной была война Ярослава Новгородского со Святополком Киевским, которого летописец именует Окаянным. Возможно, не без воли Ярослава пущен был слух о том, что Святополк не был сыном Владимира. Согласно этой версии, он был рожден от убитого варягами князя Ярополка, законного наследника престола, в отличие от Владимира, сына наложницы Малуши.

Ярославу с его новгородцами совсем нелегко было управиться с киевским князем, союзниками которого выступали поляки и печенеги. Тогда-то, по совету своего родича, посадника Новгородского Константина Добрынича, и обратился князь Ярослав за помощью к шведским «варягам», а значит, непосредственно к своему дальнему родственнику Олаву Эйриксону Щетконунгу.

О последствиях такого шага повествуют не только русские летописи, но и скандинавские, точнее исландские саги. Наиболее полно события тех лет освещает одна из них, названная «Прядью или сагой об Эймунде».

Ярослав Мудрый срочно отправил посольство в Швецию, но не наобум: он знал, что делает, и потому успех его миссии оказался далеко не случайным. Именно тогда переплелась история двух государств.

Но что же представляла собой Швеция тех далеких времен? В начале XI века, когда еще был жив славный король Олав, она была далеко не централизованным государством. Не только с соседней Норвегией, где правили короли той же династии Инглингов, но даже с ближайшими областями Центральной Швеции, Олав Щетконунг не мог разговаривать как со своими вассалами. Ему подвластна была лишь малая часть современной Швеции, носившая название Упланд. Она располагалась на относительно небольшом, полукруглом выступе у входа в Ботнический залив. Здесь в древней Упсале, заложенной в нескольких десятках километров от тогда

еще не существовавшего Стокгольма, и располагалась столица короля Олава. Сейчас Упсала уже давно потеряла прежнее значение, но созданный в ней когда-то университет славится и поныне.

Именно сюда и прибыло новгородское посольство, посланное Ярославом. Оно было с большим почетом принято королем. Олав Щетконунг, посоветовавшись с тингом (советом старейшин), решил оказать поддержку новгородскому князю. Более того, уже, возможно, тогда велись переговоры о женитьбе Ярослава на младшей дочери Олава, Ингигерде.

Следствием был отъезд большого варяжского отряда во главе с родичами короля Эймундом и Рагнаром. Летом 1016 года варяжская дружина прибыла в Новгород к Ярославу и в том же году скандинавы приняли активное участие в походе на Киев. По сведениям летописца, варягов насчитывалось около тысячи, а все войско Ярослава достигало 40 тысяч.

Святополк и не думал уступать брату Киев без боя, сильно надеясь на своих союзников-печенегов. Возле города Любеча произошла решительная битва, в которой победа досталась Ярославу, и он торжественно вступил в Киев. Однако борьба его со Святополком на том не кончилась. Изгнанному князю помог его тесть, польский король Болеслав, не зря прозванный Храбрым. Война шла с переменным успехом: вначале Болеславу со Святополком удалось разбить Ярослава на реке Буг и возратить утраченный престол. Но поляки вели себя в Киеве, как в завоеванном городе, что, естественно, вызвало возмущение киевлян. К заговору против поляков примкнул даже сам Святополк. Узнав об этом, Болеслав страшно разгневался на зятя и увел свое войско в Польшу, предоставив великого князя его судьбе.

Вскоре в битве на реке Альте, в 1019 году Ярослав Мудрый одержал окончательную победу и изгнал навсегда Святополка с Русской земли. В том же году состоялась его свадьба с дочерью Олава Щетконунга Ингегердой. Матерью молодой великой княгини была славянка-венедка. Ингегерда приняла православную веру и получила новое имя – Ирина.

А какова же была судьба ее соотечественников Эймунда и Рогнара? Известно, что еще в 1017 году они возглавляли отряд в 600 бойцов, защищавших Киев от печенегов. Кроме того, Эймунду сага приписывает убийство соперника Ярослава князя Бурицлейва, отождествляемого обычно со Святополком. Однако рассказ саги явно противоречит Несторовой «Повести временных лет», что дает пищу для экстравагантных предположений. Не исключено, считают некоторые исследователи, что Бурицлейв – вовсе не Святополк, а любимый сын князя Владимира, Борис, предательски убитый все на той же речке Альте. Не все так гладко шло в истории, как писали первые летописцы.

Закончилась братоубийственная война, и спустя некоторое время варяги-побратимы переходят от Ярослава к его родичу Вартилаву. Если верить саге, их уход не был мирным. Помогая мужу, Ингигерда хотела схватить опасных родичей, но из-за их бдительности сама оказалась в плену у Эймунда. Ярослав вынужден был пойти на невыгодный для себя мир, а варяги переменили место службы. Хотя их нового князя большинство историков отождествляет с племянником Ярослава, Брячиславом Изяславичем Полоцким, однако нельзя исключать возможность других атрибуций. Судя по тексту саги, гораздо вероятней, что варяги служили брату и последнему опасному сопернику Ярослава – Истиславу Владимировичу Храброму. Это подтверждается и скоропостижной смертью князя «Вартилава», после чего Эймунд опять возвращается к Ярославу и Ингегерде и получает от них крупный земельный надел, которым он владел до самой смерти. За неимением других наследников владения Эймунда перешли к Рагнару. Казалось, все ясно, но, оказывается, что данной версии противоречат рунические надписи, выбитые на каменных плитах надгробных памятников варяжских вождей и героев. Больше всего их было найдено в уже упоминавшемся нами Упланде и соседних с ним областях.

Обращаясь к руническим текстам из Упланда, мы вновь сталкиваемся с именами Эймунд и Рагнар. Одна из таких плит, по составленному кадастру имеющая № 72, была найдена еще в XVII веке в церкви Римбу. Орнамент памятника датирован 1020—1060 годами. Вот содер-

жание этой надписи на камне: «Энунд и Эйрик и Хакон и Ингвар установили... по Рагнару, своему брату. Бог да поможет его душе».

Из данного текста ясно, что у какого-то Рагнара, возможно, тезки нашего героя, было четыре брата (запомним их имена), которые установили по неизвестно когда и где погибшему памятник. Очевидно, этот Рагнар умер на чужбине не ранее 1020 года. Судя по записи, можно также допустить, что в то время не было в живых ни отца, ни матери братьев. В числе их один, по-видимому, младший, получил имя Ингвар. Обилие рунических надписей повествует о судьбе этого человека, что позволяет современным исследователям идентифицировать его с популярным по исландским сагам Ингварем-мореходом, или путешественником.

Известно, что Ингвар был из рода Инглингов. Значит, и его братья относились к тому же роду, а погибший их старший брат, возможно, ходил в поход в Гардарики вместе с Эймундом. Но не будем спешить: лучше внимательно прочтем вторую надпись.

Этот рунический памятник значится под № 88. Он также открыт в XVII веке, в церкви Хусбю-Мохундра и датирован 1020—1050 годами, но скорее всего был создан до большого похода Ингвара на Восток.

Текст памятника переводится так: «Эйрик и Хакон и Ингвар и Рангхильд, они... Он умер в Греции. Да помогут бог и божья мать его душе». Здесь снова встречаемся мы со знакомыми лицами – братьями Эйриком, Хаконом и Ингваром, да еще с какой-то женщиной, вероятно, с их сестрой или вдовой покойного. Отсутствует лишь старший из братьев – Энунд. Как полагает Е.А. Мельникова, знаток рунических текстов и древней истории Скандинавии, памятник как раз и посвящен ему. Подобная версия весьма правдоподобна: вслед за Рагнаром, вдали от родины умирает и следующий за ним по старшинству, его брат Энунд.

Хотя в обеих надписях нет упоминания об Эймунде, но установить его родство с данной семьей не трудно. Имя отца Ингвара-морехода названо, как в посвященной ему саге, так и в рунической надписи за № 45, найденной в Стрэнгнесе, как и предыдущие, в XVII столетии. Прочтем же и ее: «Эйрик велел высечь камень по Ингвару и Харальду, сыновьям Эймунда. Они умерли на юге, в Серкланде».

Становится ясным, что вся серия надписей сделана одной семьей некоего варяга Эймунда, умершего, как и подобает воину, раньше своих детей. Эйрик, как оставшийся за старшего, ставит памятник своему брату Ингвару. Но откуда взялся еще один из их братьев – Харальд? Ведь прежде о нем не было никаких упоминаний!

Все удивительно просто. В рунической надписи № 32, найденной в Грипсхольме, в соседней с Упландом области Седерманленд, имеются интересующие нас сведения о брате Ингвара-морехода. Приведем эту надпись полностью: «Тола велела установить этот камень по своему сыну Харальду, брату Ингвара. Они отважно уехали далеко за золотом и на востоке кормили орлов. Умерли на юге в Серкланде».

Ответ достаточно ясен. Памятник поставила Тола, мать Харальда, но не его сводного брата Ингвара. И снова загадочный Серкланд, где сложили головы братья. Нам же следует сделать вывод, что права Е.А. Мельникова, утверждавшая, что у отца Ингвара, Эймунда, было две семьи: одна в Упсале (основная) и другая в Седерманленде (побочная), Харальд же – еще один из его сыновей.

Сейчас нам важно установить, был ли Эймунд Хрингссон действительно отцом Ингвара и его братьев? Сага не дает положительного ответа. Помиравшийся в конце жизни с князем Ярославом Эймунд получил от великого князя какой-то значительный надел, правил там, потом заболел и умер, оставив наследником своего друга Рагнара. Быть может, он был бездетным в отличие от своего тезки?

Однако возможны и другие объяснения. Но прежде подумаем, где располагались владения Эймунда. В местах, достаточно чуждых варягам. Их должно было тянуть на север, к ландшафтам, близким их родине. Таким местом была Новгородская земля. Возможно, Ярослав

Мудрый и сделал Эймунда, а потом Рагнара своими посадниками в Новгороде. В то время такое было вполне возможно. Передача же владений старшему в роду соответствовала древнему закону.

Е.А. Мельникова, на которую мы часто здесь ссылаемся, как на лицо весьма компетентное в данных вопросах, считает, что Эймунд мог быть крупным хевдингом, владельцем многих земель в Упланде и других областях Швеции, человеком, близким королевскому роду. Она, конечно, совершенно права. Именно такой близостью объясняется то, что сам Эймунд и его сыновья носили родовые имена Инглингов. О родстве Ингвара-морехода с домом Инглингов пишет и С.Д. Ковалевский. В комментариях к своей монографии Мельникова сообщает, что Ингвар был внуком Олава Щетконунга, а значит, Эймунд являлся двоюродным братом Инггерды-Ирины, жены Ярослава Мудрого. Но возможно ли такое?

У короля Олава был сын по имени Эймунд, прозывавшийся Злым, или Старым. Он наследовал своему брату Энунду – Якобу Углежогу. Этот Эймунд умер в 1060 году, а значит, по возрасту никак не мог быть отцом Ингвара и его братьев. Значит, в роду Инглингов был еще один представитель с тем же именем. Но быть племянником короля Олава Эймунд мог только в том случае, если его мать, о которой нам ничего не известно, была дочерью конунга Эйрика Победителя. Может быть, недаром самого Эймунда сага часто именует конунгом?

Если все так, то снимаются все темные места в этой истории.

Наш рассказ подходит к концу, но он был бы не полон, если бы мы не проследили других членов этой ветви Инглингов. Это относится к оставшимся в живых братьям Ингвара-морехода: Эйрику и Хакону.

После смерти, возможно, тоже насильственной, своего последнего брата, Эйрика, Хакон завладел всем его наследством. Из «Киево-Печерского Патерики», мы узнаем, что он начал сильно притеснять своих племянников и один из них, по имени Шимон, вынужден был, тайно от дяди, бежать на Русь, где был радушно принят великим князем Ярославом. Шимон стал служить в дружине у младшего сына Ярослава Всеволода.

Варяг Шимон принял православие и получил новое имя – Симон. Вместе с князем Всеволодом Ярославичем он участвовал во многих походах и жарких сражениях, был одним из главных вкладчиков в строительстве нового храма в Печерском монастыре, за что и удостоился чести попасть в его Патерик. Сын Симона Георгий или Юрий Шимонович верно служил внуку Ярослава Мудрого Владимиру Мономаху. В качестве советника его сына Юрия Долгие Руки Георгий уехал вместе с молодым княжичем в далекую Ростово-Суздальскую землю. Потомство этого боярина выдвинулось позднее в московские тысяцкие и породнилось с великими князьями Московскими. Но это были уже другие времена.

Отношение клана Эймунда с Олавом Щетконунгом и другими шведскими королями складывались, очевидно, по-разному. Возможно, поэтому представители этого знатнейшего скандинавского рода оказывались так легки на подъем и часто уходили в далекие и опасные походы. Где-то там, за синим морем многие из них, вдали от дома, сложили свои головы. А родичи этих мореходов из рода Инглингов, потомки варяга Шимона, навсегда обрели новую родину – Русскую землю – и много веков честно служили ей.

Род Романовых – из XII столетия?⁶

Немало сложностей, а порой и загадок таится в генеалогии многих боярских и дворянских родов, особенно когда исследуются их корни, уходящие в XIV и более поздние века. Не представляет исключения и царственный род Романовых.

Доподлинно известно, что родоначальником бояр Захарьиных-Юрьевых, позднее Романовых, был ближний боярин великого князя Московского и Владимирского Симеона Иоанновича Гордого по имени Андрей Кобыла. Ему доверил Симеон Гордый весьма ответственную миссию – вместе с другим знатным боярином, позже московским тысяцким, Алексеем Хвостом Босоволковым, послан был Андрей Кобыла в Тверь, за новой, третьей по счету, невестой великого князя, княжной Марией Александровной Тверской.

Ее отец, князь Александр Михайлович Тверской, соблюдая семейную традицию, яростно боролся с князьями московскими за право владения великокняжеским престолом Владимирским. Возглавив восстание в Твери против татарских баскаков, князь Александр тем самым подписал свой смертный приговор. Возможно, не без содействия своего давнего соперника Ивана Даниловича Калиты, смелый тверской князь принял мученическую смерть 29 октября 1339 года в Большой Орде.

Теперь же, спустя почти десятилетие, сын Калиты Симеон посылал своих сватов в Тверь, возможно, в надежде примирить два враждующих русских княжества. То, что Андрей Кобыла возглавил московское посольство, говорит о многом. Неслучайно летописец поставил его на первое место, в обход другого представителя старомосковского боярства Алексея Хвоста Босоволкова. Это свидетельствует о знатном происхождении Андрея, а возможно, и его родственных связях с великокняжеской семьей. Однако о дальнейшей его судьбе летописи молчат. Зато хорошо известны потомки Андрея Кобылы, особенно принадлежащие к ветви его младшего сына Федора Кошки.

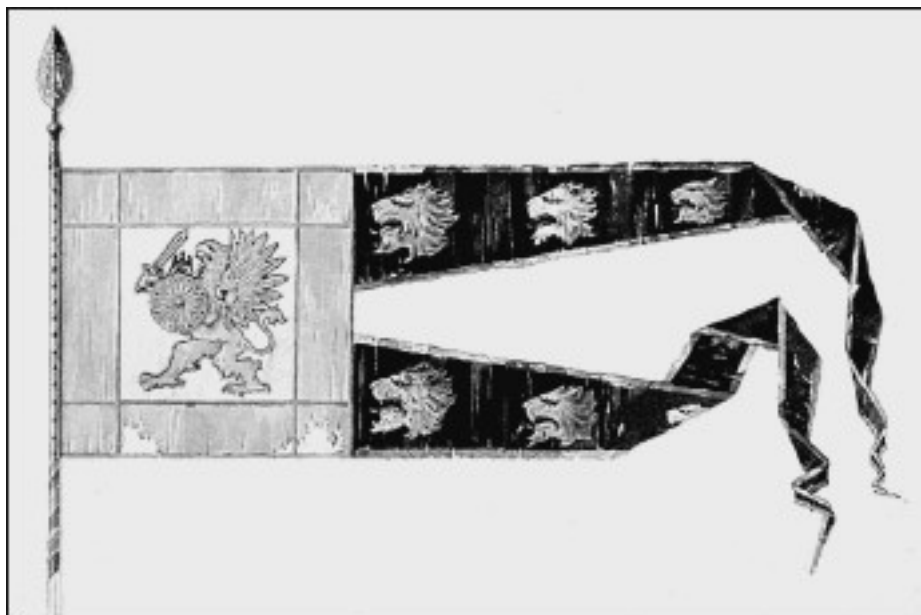
Да, боярин Федор Андреевич Кошка не обойден вниманием летописцев своего времени. Особенно многозначительны некоторые эпизоды его биографии. Обе дочери Федора Кошки были удачно выданы за князей тверского дома: одна за Василия Михайловича Кашинского, давнего союзника Москвы, вторая, Анна, за князя Федора Микулинского. Сын Федора Кошки, Федор Голтяй, был женат на Марье Васильевне Вильяминовой, двоюродной сестре великого князя Дмитрия, а ее дочь стала женою князя Ярослава Владимировича Боровского, тоже близкого родича Дмитрия Донского.

Не менее знаменательно и то, что в 1380 году, уходя в поход на Мамаю, великий князь Дмитрий поручает Федору Андреевичу Кошке править в Москве во время его отсутствия.

Все эти факты указывают на то, что род Андрея Кобылы занимал весьма высокое положение в Московском государстве и по нескольким линиям породнился с правящей династией. И в последующие века Захарьины-Юрьевы-Романовы входили в число первых боярских родов Москвы.

Но каково же происхождение выдающегося рода? Очевидно, такой вопрос волновал не только современных генеалогов. На него пытались ответить уже в первой половине XVI века, когда возникла гипотеза о предке Захарьиных, некоем Гландале Камбиле Дивоновиче из Пруско-Самогидских князей или даже царей. В различных версиях такая фантастическая гипотеза дошла и до наших времен. Крупные историки и генеалоги обычно умалчивают о ней или же, говоря о нем, избегают оценки достоверности подобной легенды.

⁶ По материалам доктора исторических наук В. Кюнтцеля.

Штандарт Романовых

Камбила, или в других вариантах Камбилион, якобы владевший землями Самогитии и Судавии, вел свое происхождение от царя Пруса, мифического брата римского императора Октавиана Августа. Некоторые комментаторы находили явное сходство имен Камбилы и Кобылы, предполагая, что именно от первого получил свое лошадиное прозвище боярин Андрей.

О том, что подобное предание кочевало по Москве не позже середины XVI столетия, свидетельствует послание князя Андрея Михайловича Курбского царю Ивану. В нем не двусмысленно утверждалось, что погубленный род бояр Колычевых, потомков Андрея Кобылы, вел свое начало от княжат Решских.

Но можно ли доверять такому показанию? Вряд ли оправданно искать родоначальников дома Романовых в Прусско-Самогидских или Решских землях, а тем более связывать их генеалогическое прошлое с Римской империей. Ведь у бояр Захарьиных-Юрьевых был прямой расчет выводить свой род от прусских державцев. Особенно это было важно в тот момент, когда дочь Романа Юрьевича Захарьина Анастасия сочеталась браком с великим князем Иваном Васильевичем Грозным. Тогда-то, в середине сороковых годов и возникла острая необходимость в царском или хотя бы в княжеском происхождении невесты царя.

Имеется много доказательств, подтверждающих, что версия о Камбиле Дивоновиче не более чем вымысел, имеющий к тому же достаточно ясную мотивацию.

В родословной росписи бояр Шереметевых, потомков того же Андрея Кобылы, все начинается именно с него, а не с придуманного самогитско-прусского царя.

Еще более убедительным доказательством являются местнические дела бояр Захарьиных, в которых нет ни полслова об их княжеском происхождении, что было бы для них чрезвычайно важно. Ведь поражение в местническом споре неизбежно влекло к весьма печальным последствиям и больно сказывалось на социальном и материальном положении проигравшей стороны. Однако даже дед будущей царицы Анастасии, боярин Юрий Захарьевич, в своей тяжбе с именитым князем Даниилом Васильевичем Щеней из рода Гедемина Литовского не привел такой весомый довод.

Но если вариант с Камбиллой Дивоновичем явно не проходит, а в чем-то почти анекдотичен, то где же альтернативная гипотеза? И оказывается, она тоже высказывалась. Еще в

конце XIX или в начале текущего века была предложена версия о новгородском происхождении Романовых. И хотя ее автор, скрывшийся под инициалами Г.С.Ш., был крайне осторожен в своих выводах и предпочитал высказываться полунамеками, его псевдоним был быстро расшифрован. Под «Г.С.Ш.» скрывался не кто иной, как граф Сергей Шереметев.

Сергей Дмитриевич Шереметев происходил из знатного боярского, а позже графского рода Шереметевых, дальних родичей царствующего дома. Он являлся одним из богатейших людей России, владельцем подмосковных усадеб Останкино и Кусково, а позже Остафьево. Но не происхождение или богатство прославили его. Гораздо важнее было то, что Сергей Дмитриевич был одаренным писателем, историком, генеалогом. Это он, очевидно, впервые предложил новую версию, и его мнение по данному вопросу представляется нам весьма авторитетным.

Согласно гипотезе «Г.С.Ш.», Андрей Кобыла и его потомство возвысились благодаря родству с Московским великокняжеским домом. Отец Андрея Иван или Ивон, по «Г.С.Ш.», которого тот относил к выходцам из Пруссии, получил от великого князя Дмитрия Александровича, сына святого Александра Невского, во владение ряд городов в Новгородской земле. Другой потомок Невского, внук его, Афанасий Данилович, женился на дочери этого знатного новгородца, Анне. Вскоре она со своим братом Андреем Кобылой очутилась в Москве у своего деверя, великого князя Ивана Даниловича Калиты. Позже Андрей Кобыла стал ближним боярином сына Калиты, Симеона Гордого.

Подобная точка зрения не представляется нам абсурдной, тем более если учесть, какими источниками мог пользоваться граф Сергей Дмитриевич. Ведь помимо родословцев Шереметевых и других родственных им фамилий, в его распоряжении могли оказаться и некоторые бумаги Николая Михайловича Карамзина, автора многотомной «Истории государства Российского». Дело в том, что женой графа была внучка близкого друга Пушкина, князя Петра Андреевича Вяземского. В усадьбе Вяземских, подмосковном Остафьеве, долгое время жил и работал великий русский историограф, женатый на сестре владельца имения. В семье Вяземских, а позже Шереметевых, могли храниться предания или неизвестные нам документы из архива Карамзина или хозяев Остафьева.

Итак, слово промолвлено – боярин Андрей Кобыла через свою сестру Анну породнился с князем Афанасием Даниловичем, а через него с другими князьями Московскими. Насколько оправданным может быть такое предположение? Из 1-й Новгородской летописи – наиболее основательного и непротиворечивого свода – известно, что князь Афанасий по меньшей мере дважды побывал в Новгороде в качестве наместника старшего брата, Юрия Даниловича Московского. Первый приезд Афанасия Даниловича приходится на 1314 год, когда он появился в Новгороде в свите брата Юрия.

На тот период выпадают годы самой ожесточенной борьбы Москвы с Тверью, причем на московскую сторону встал и Новгород, сильно не ладивший с великим князем Михаилом Ярославичем Тверским. 15 марта 1315 года, в субботу Лазареву, князь Юрий Данилович возвратился в Москву, оставив в Новгороде брата Афанасия с большими полномочиями. Вскоре Юрий был вызван ханом в Орду. Этим немедленно воспользовался его ярый противник – Михаил Тверской, двинув большое войско к пригороду Новгорода – Торжку. Тем самым он перекрыл основной торговый поток в Новгородскую землю с Востока. Такого новгородцы стерпеть не могли и вместе с князем Афанасием Даниловичем двинулись к Торжку.

Счастье улыбнулось в те дни Михаилу Тверскому: новгородцы потерпели сокрушительное поражение. Немало их пало в той злополучной битве. В числе погибших оказались сразу все три посадника, возглавлявшие новгородское воинство: Андрей Климович, Юрий Мишинич и Михаил Павшинич. Подобного не знала история Великого Новгорода.

С остатками разбитого войска Афанасий Данилович поспешил укрыться в Торжке, но вскоре принужден был просить мира у победителей. Его вместе с прочими пленниками увезли в Тверь.

В Новгороде князь Афанасий вновь появился лишь в 1319 году, после мученической гибели в Орде великого князя Михаила Ярославича Тверского. Афанасий Данилович вновь является наместником своего старшего брата. Впрочем, Афанасий прожил здесь недолго и в 1322 году был похоронен в церкви Святого Спаса в Юриковом Городище под Новгородом.

Скорее всего, его брак с дочерью новгородского боярина мог состояться в первый приезд князя и был обусловлен необходимостью тесных связей Москвы с Новгородом. Только если сопоставить даты жизни Андрея Кобылы и его отца Ивана, можно допустить, что жена Афанасия, Анна, была не сестрой, а скорее теткой Андрея.

Случаи выдачи замуж новгородских боярышень за князей дома Рюрика были в ту пору далеко не единичны. Например, в 1294 году дочь боярина Юрия Михайловича, Оксинья, стала женой князя Ярослава Ярославича, отца Михаила Тверского. Иногда Юрия Михайловича отождествляют с посадником Юрием Мишиничем. Однако это маловероятно. Если бы дедом Михаила Ярославича Святого в самом деле был Юрий Мишинич, то трудно допустить, чтобы летописец не обыграл такой трагический сюжет: ведь тогда получается, что храбрый воевода пал в битве с собственным внуком. Но летопись о том молчит.

Юрий Мишенич был представителем Неревского конца Новгорода. Известно, что его жители никогда не питали особой любви ни к Москве, ни к Твери. Они придерживались традиционной для большинства новгородцев сепаратистской позиции.

Поэтому гораздо более вероятно, что тестем Ярослава Ярославича был другой Юрий Михайлович, и хотя в летописи нет больше упоминаний о нем, нетрудно допустить его связь с Прусской улицей, посадники которой всегда поддерживали князей Северо-Восточной Руси. Братом этого Юрия вполне мог быть свергнутый в 1287 году посадник Семен Михайлович, долгое время правивший в Новгороде, а отцом – знаменитый посадник Михаил Федорович, ходивший в поход вместе с князем Ярославом и принявший героическую смерть в 1268 году в битве при Раковоре. О том, что посадник Михаил был весьма влиятельной фигурой в Новгороде, говорит тот факт, что он удостоился, наряду со своим предполагаемым двоюродным братом, Стефаном Твердиславичем, быть погребенным в главном соборе Новгорода – церкви Святой Софии. После него там не был похоронен ни один из многочисленных новгородских посадников. Что же касается его сына Семена Михайловича, то одной из причин свержения этого посадника могла быть приверженность его к дому Святого Александра Невского и того же Ярослава Ярославича. Против него восстал весь Новгород: посадник Семен вынужден был бежать и скрываться в Софийском соборе, где был погребен его отец. Там он пользовался защитой архиепископа Новгородского Климента. Вскоре Семен Михайлович умер, не выдержав тревожений, а на место его заступил посадник Андрей Климович, представитель той же Прусской улицы.

Нам, однако, пора вернуться к истории князя Афанасия. Как видим, не существует противопоставлений его брака с новгородской боярышней из знатнейшей боярской семьи. В таком случае логично допустить, что жена князя Афанасия Даниловича была дочерью или внучкой одного из шести или семи новгородских посадников того времени. Скорее всего, он мог проживать на Прусской улице в Софийской стороне Новгорода. Именно посадники этого района постоянно поддерживали Владимирских, а затем Тверских и Московских князей и являлись их надежной опорой. Более того, жители Прусской улицы и прилегающего к ней Загородского конца составляли главные эмиграционные потоки в Тверь и Москву.

Первая волна такой эмиграции возникла в начале 70-х годов XIII столетия, когда в Тверь вместе с князем Ярославом Ярославичем ушли бояре из рода Ратшиничей, позднее перешедшие на службу к московским князьям. Вторая высокая волна поднялась после двухкратного разгрома Прусской улицы в 1258-м и 1287 годах. Тогда в Москву перебрались предки бояр Морозовых и Салтыковых.

Третья волна эмиграции коснулась рода Андрея Кобылы, переехавшего в Москву, вероятно, уже после смерти князя Афанасия Даниловича, в свите своей сестры княгини Анны.

Но кто ж из новгородских посадников конца XIII – начала XIV века мог годиться в родоначальники бояр семейства Андрея Кобылы? Наиболее известными из них были посадники Андрей и Семен Климовичи, Михаил Павшинич и Юрий Мишинич. Как уже было сказано, трое из них пали в битве при Торжке. Кроме этой четверки в тот же период были еще по меньшей мере три посадника: Михаил Климентьевич (возможно, брат обеих Климовичей), Иван Дмитриевич и некий Борис, отчество которого не названо. Никто из них не занимал видного места в Новгороде, и ясно, что не на них делали ставку московские князья.

Четверо остальных были выдающимися людьми, каждый из которых мог претендовать на роль тестя московского князя. Крупнейший знаток истории Новгорода, В.Л. Янин обоснованно относит Юрия Мишинича к представителям Неревского конца. Это подтверждается и находками здесь берестяных грамот. Братья Климовичи, по Янину, жители Прусской улицы, а Михаил Павшинич представлял ту категорию прушан, которым в то время осваивался новый конец на другой стороне Волхова. Значит, Михаил Павшинич представлял интересы Прусско-Плотницкого боярства.

Очень мала вероятность, что дедом Андрея Кобылы мог быть Юрий Мишинич, о чем уже говорилось выше. Зато шансы трех остальных можно считать почти равными: ведь все они имели владения на Прусской улице, с которой несомненно был связан князь Афанасий. Недаром во всех родословцах потомков Андрея Кобылы сказано, что род его приехал из Прусс. На примере боярских родов Ратшиничей и Твердиславичей легко установить, что так именовали москвичи Прусскую улицу Новгорода.

Однако все же трудно считать Андрея внуком Михаила Павшинича. Дед посадника Михаила, Ананья, обычно называемый без отчества, действительно проживал на Прусской улице. Должно быть, неслучайно великий князь Александр Невский называл Ананью своим главным врагом в Новгороде: на это были веские основания. Дело в том, что Ананья возглавил ту новгородскую партию, которая выступила против Александра Невского и поддерживаемого им посадника Михалки Степановича – родоначальника бояр Морозовых. Сын Ананьи, Павша, в борьбе сыновей Александра Невского за Владимирский стол был на стороне князя Дмитрия Александровича, против его брата Андрея. Павша Ананьевич умер в 1274 году и был заменен своим сыном, Михаилом.

Хотя Михаил Павшинич в борьбе с Михаилом Тверским и принял сторону Москвы, вряд ли он придерживался промосковской ориентации, о чем можно судить по поведению его многочисленного потомства. Все они относились к разряду ярых сепаратистов. Незаметно никаких симпатий этого рода к Москве, и невозможно отыскать места в нем для Андрея Кобылы.

Более перспективными кандидатами на роль пращуров Романовых можно считать двух братьев Климовичей, возглавлявших жителей Прусской улицы и прилегающих к ней концов. Из них Семен Климович не участвовал в сражении у Торжка, оставаясь в те дни степенным посадником в Новгороде. Из его потомства, по данным Янина, трое сыновей тоже были посадниками. Отсюда видно, что ни Семен Климович, ни его семья не выезжали из Новгорода до самого конца боярской республики. Связи же их с Москвой весьма проблематичны.

Что же касается Андрея Климовича, павшего под Торжком, то помимо его брата и племянников нам неизвестен никто из членов семьи этого посадника. Довольно странно, что потомство Андрея Климовича, чаще других избиравшегося на такую ответственную должность, не удостоилось упоминания в летописи. Конечно, можно допустить, что посадник Андрей мог быть и бездетным. Однако среди прочих кандидатура Андрея Климовича на роль деда Андрея Кобылы самая предпочтительная. Было бы совершенно естественным, если бы дочь или внучка такого деятеля была выдана за князя Афанасия и позже переехала в Москву. Вместе с нею мог перебраться туда и ее брат или племянник, Андрей, получивший свое имя

в память деда. В Новгороде со смертью посадника Андрея исчезает его потомство, но почти в то же время в Москве появляется новый знатный род бояр Кобылиных. Такое нельзя признать случайным.

Сам Андрей Кобыла получил, вероятно, свое имя, а возможно, и прозвище, от посадника Андрея Климовича. Андреем прозывался один из внуков Кобылы и другие члены его большого рода. Подобная традиция была типична для Руси того времени.

Следовательно, предположение о возможном родстве новгородского посадника Андрея Климовича с московским большим боярином – Андреем Кобылой – не противоречит логике и хорошо, без какого либо налета фантазии, разрешает генеалогические загадки Романовых.

Однако тут же может возникнуть новый вопрос – откуда появился род новгородских Климовичей? Почему оба брата почти одновременно возникли на страницах летописи, как сумели захватить первенство на аристократической Прусской улице и повести за собой весь Новгород? Ведь известно, что, по крайней мере, со второй половины XII века это первенство прочно удерживалось родом знаменитого новгородского деятеля Твердислава Михайловича, давшим с десятков посадников.

Все становится на свои места, если признать братьев Климовичей представителями того же боярского клана. Правда, в нем не было боярина по имени Клим или Климент, но зато в Великом Новгороде был всем известен архиепископ Климент, построивший и освятивший не один новгородский храм. Годы его жизни хорошо увязываются с началом политической деятельности братьев Климовичей. Можно даже предположить, что и сам владыка Климент родился на Прусской улице и принадлежал к роду бояр Твердиславичей, на что указывает ряд косвенных свидетельств.

Если выдвинутая гипотеза оправдается, то род царей Романовых может быть прослежен по меньшей мере до середины XII столетия, то есть «состарится» более чем на двести лет.

Но и это еще не предел, ведь история древнейших новгородских боярских родов еще только разрабатывается.

Не стоит также огорчаться, что предание об Августе-императоре и Решских либо пруско-самогитских князьях – не более чем исторический миф. Взамен легендарному Камбиле Дивоновичу встает едва ли не самый знаменитый род Великого Новгорода, представители которого в бурные дни, не щадя своих жизней, стойко поддерживали святого великого князя Александра Ярославича Невского и его потомство.

Тайные маршруты русов⁷

Россия отметила в 1996 году 300-летие отечественного флота, выигравшего почти все каботажные сражения со времен Петра Великого и разгромленного в единственном морском сражении – при Цусиме.

Между тем руководство России и его научные консультанты так и не заметили 1100-летнего юбилея русского флота – речного и каботажного морского, наводившего ужас на обитателей Причерноморья, Приазовья и Прикаспия, одерживавшего победы у стен столицы Византийской империи – Царьграда.

Это было еще в те времена, когда напрямую через воды Черного моря плавали южнее Руси только торговые или боевые корабли византийцев, а русы на своих парусно-весельных, всегда бескилевых долбленках выходили из Киева по Днепру для каботажных рейсов, хотя и на большие расстояния вдоль берега. На судах, непригодных для плавания в открытом море, не имея ни навигационных приборов, ни вообще никакого опыта и знаний ориентации на водном пространстве без береговых, сухопутных ориентиров, русы плавали в пределах видимости берега, вдоль него. А враждебные им тюркоязычные кочевники, печенеги, даже случайно оказывающиеся напротив на суше, скакали на конях параллельно маршруту – ждали, как пишут древнерусские летописи, когда разыграется в море шторм и русы будут вынуждены вытащить на землю свои непригодные к высокой волне плоскодонные парусно-весельные суда и можно будет обрушить на славян удар стрелами, пиками и клинками!..

Упоминание о первом таком набеге русов на Царьград в 866 году содержится в древнейшей из русских летописей – в тексте монаха Нестора в Лаврентьевской рукописи. Там со ссылкой как раз на греческие письменные источники об этой боевой операции русов с моря сказано предельно кратко: «В 6360 году (852 г. н.э.) началось 15-летнее правление царя Михаила и в годы именно этого правления стало известно о возникновении наименования Русская земля. О ней узнали после того, как при этом царе русь приходила на Царьград» (Полное собрание русских летописей, далее – ПСРЛ, Спб., 1846 г., с. 7).

Наиболее подробно из всех летописных сводов раннего Средневековья Руси, с более обстоятельным пересказом греческих рукописей, повествует так называемая Типографская летопись (ПСРЛ, т. 24, Петроград, 1921 г., с. 7): «В 6374 году (866 г. н.э.) был у греков царь по имени Михаил... И в этом году при этом царе приходила русь на Царьград, как об этом пишется в летописании греческом: на четырнадцатом году правления царя пришли Аскольд и Дир на греков, к Царьграду. Царь же отсутствовал, воюя против агарян на Черных реках, куда епарх послал к нему с послом весть о том, что русь пришла на Царьград. И царь тотчас воротился. А те уже вовнутрь вошли, много убийств христиан совершили, обступивши Царьград двумя сотнями кораблей. Царь же, едва войдя в город, явился тотчас с патриархом Фотеем в церковь Святой Богородицы Валашской и всю ночь молитву сотворял, а затем с песнями вынес божественную ризу Святой Богородицы и с плачем омочил в море, которое было кротким и тихим, да вдруг восстало бурей, с ветрами и волнами огромными, против наступавших. И разбило корабли, и смело безбожных русов, и к берегу пригнало избитых. И мало их, поверженных, полной беды избегли. И восвояси вернулись побежденные Аскольд и Дир, в малом числе пришли к Киеву».

Случались и победные набеги флотилии русов на Царьград. Так, в 907 году князь русов Олег на двух тысячах кораблей, с конями на них, осадил Царьград и принудил греков дань платить, а в знак победы щит прибил на врата столицы данников (ПСРЛ, т. 24, Петроград,

⁷ По материалам кандидата исторических наук Г. Анохина.

1921, с. 9—10). Нестор сообщает также о том, что князь русов Олег вышел из Днепра в Черное море с 10 000 судов! (там же, с. 157).

У греков были свои колонии в Северном Причерноморье – и в южном Крыму, и вблизи устья самого Днепра. Поэтому была возможность усилить контроль над тайными выходами русов из Днепра в Черное море.

У русов же еще с давних времен существовали иные тайные маршруты для совершения опустошительных набегов в другое... Каспийское море для захвата добычи у иных народов – в Дербенте (Дагестан), на берегах Табаристана (Персия) и даже в легендарно богатом городе Бердаа (равнинный Карабах).

Эти набеги на каспийский бассейн приходились обязательно на весну, когда едва сходил лед на степных реках. Ниже мы объясним, почему именно в апреле надо было прорываться на Каспий, пока же покажем варианты этих маршрутов с их волоками меж истоками рек. При выходе из Днепра русы использовали русла двух его притоков.

Осада русами во главе с Аскольдом и Диром Константинополя. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV в.

В е р х н и й маршрут проходил выше трудоемких волоков вдоль порогов на большой излуине реки (от нынешних Днепропетровска до Запорожья): поднимались по реке Самаре, по ее левому притоку реке Волчьей и далее уже по ее левым притокам – рекам Гайчур, Мокрые Ялы (или ее правому притоку Кашлагач) или Сухие Ялы до их истоков, – все в пределах современных Запорожской и Донецкой областей. Эти в прошлом глубоководные, до 30—40 метров, степные речушки – «каналы» берут начало из родников на северном склоне плоской Приазовской возвышенности. После элементарного волока плоскодонных долбленок на 2—4 км на юг русы спускали свои корабли в глубоководные истоки рек Берда, Кальчик или Кальмиус и по ним попадали непосредственно в Азовское море, по первой названной – возле современного города Бердянск, по остальным – возле современного города Мариуполя. Обилие судов с экипажами давали русам возможность грозно противостоять нападениям случайных групп печенегов, выпасавших свои отары овец и табуны лошадей на черноземных травостоях (сама тюркская этимология этнонима «печенег» означает «обитатель травостоя, пастбища»).

Н и ж н и й маршрут шел ниже знаменитых порогов, прямо за островом Хортица: входили в реку Конка, а от ее истоков – в исток Берды, по которой сплавлялись в Азовское море.

Конка тысячу лет назад, когда климат в степях был влажнее и теплее, вообще обеспечивала выход в бассейн Азовского моря без волока. Ибо западнее высшей точки Приазовской возвышенности – Бельмак-Могила (324 м) – водораздел раздваивается. От подножия вершины из естественного водохранилища родниковых потоков существовала трифуркация – сток вод на три стороны света: на север – Конка, в Днепр; на запад и далее на юг – Молочная, в Азовское море; на юг – Берда, а также Обиточная, и из них в Азовское же море!

Отправляться из Азовского в Каспийское море по Дону в Волгу с волоком меж их великими излучинами было невозможно – могучее Хазарское государство господствовало как раз в низовьях Волги. Поэтому флотилии русов избирали один из двух вариантов выхода на волок в Каспийское море – по реке Ее или по реке Маныч, от устьев. По пути в Таганрогский залив плывшие от устья Берды назначали сбор или отстой на случай штормовой погоды на Долгих островах, следующий отстой – у Ейской косы и островов в устье Ейского лимана. Если флотилия выходила из Кальчика или Кальмиуса, местами отстоя были Миусский лиман, а следующий до входа в реку Дон – мелководная Андреевская бухта, что восточнее современного города Таганрога.

Поднимаясь по Ее, русы из истока ее верхнего правого притока волочили суда в реку Средний Егорлык или от истока самой Еи – в реки Рассыпную или в Калалы; все три последние названные реки – уже бассейн верховий реки Маныч.

Если отправлялись на Дон – хотя этот вариант был более известен хазарам, – то тотчас от устья Маныча поднимались непосредственно в озеро Маныч-Гудило. Ейский и Дон-Манычский варианты уже у озера Маныч-Гудило становились единым маршрутом, ибо здесь, на Азовско-Каспийском водоразделе Ергени, подземные, весенние, половодья с гиганта Большого Кавказа – горы Эльбрус – вспучивались наружу, создавая бифуркацию, то есть сток реки одновременно и непосредственно с водораздела в обе его стороны! Бифуркация могла длиться пару недель и больше, и только в этот период флотилия русов могла без волока по земле плыть по Восточному Манычу и реке Куме на юго-восток – в Каспийское море!

«Русы, как стаи саранчи!» – писали арабские источники тысячелетие назад. Они появлялись на улицах древнего Дербента, на южном берегу Каспия уже в 860—880 годах и в 914 году, а в 944-м захватили в нижней трети бассейна реки Куры город Бердаа и довольно долго держались в нем в осаде, оставив флотилию на Куре под охраной части своих воинов.

Возвраты из каспийских набегов первоначально происходили все-таки через низовья Волги, с данью хазарам от награбленного. Когда же хазары пожелали большего (или всего награбленного) и уничтожили в стычках большую часть кораблей и участников, возврат через Волгу (тем более через Ергени, когда бифуркация давно закончилась) стал невозможным. Тогда, в новом набеге, возможно, именно после Бердаа, последовал фантастический прорыв русов через закавказский водораздел каспийско-черноморского бассейнов! Поднявшись на кораблях по средней трети реки Куры, русы перед указанным выше водоразделом покинули их, захватили в плен много местных мужчин и использовали их в качестве носильщиков трофеев русов при переходе по какому-то из перевалов в Западную Грузию. Арабские источники не называют топонима перевала. Уже на черноморском берегу, захватив нужное количество судов, русы каботажно добрались до Азовского моря, а затем, знакомыми им маршрутами – до Днепра и Киева!

Между прочим, треть тысячелетия назад запорожские казаки пользовались речными маршрутами, чтобы попасть из Сечи к донским казакам. Кратчайший путь им был бы по реке Конке с волоком в реки Молочная или Берда. Однако из-за главного враждебного соседа в XVI—XVII веках – крымских татар, – который контролировал ближайшие к полуострову степи и реки, запорожские казаки поднимались на чайках от Сечи вверх по Днепру, волоками обходя пороги, входили в устье реки Самары, плыли до ее истоков или истоков ее правых порогов, волоком попадали в реку Северский Донец и из него – в нижний Дон.

Более пятидесяти лет кандидат исторических наук Г. Анохин отдал поискам сначала «тайных маршрутов руссов», затем – «пути из варяг в греки», а также их моделированию в естественных условиях.

Результат более чем полувековых поисков – это максимально краткий научный очерк и карта, впервые воссоздающая ситуацию 1100-летней давности и мест современных городов Запорожье и Днепропетровск у бывших волоков вдоль множества порогов, а также современных городов у берегов как бы эллинской Меотиды – Бердянска, Мариуполя, Таганрога и Ейска, стоящих на древних тайных маршрутах руссов, у истоков рождения и становления Руси с ее уже тогда грозным, хотя и каботажным морским флотом!..

Более 1100 лет назад восточные славяне – русы – имели свой флот, и флотилии руссов бороздили воды Черного, Азовского и Каспийского морей, проходили по рекам, облегчающим доступ в эти моря, участвовали в боях. Более 1100 лет назад, а не только 300 лет!

Загадка Александра Невского

О князе Новгородском Александре Ярославиче Невском с уважением рассказывали в школах и при царе, и при Сталине. Церковь причислила его к лику святых. Сергей Эйзенштейн снял о нем знаменитый фильм. И царское, и советское правительства учреждали ордена его имени... И при всем том его биография по-прежнему хранит немало загадочного.

Первую крупную победу и титул «Невский» двадцатилетний Александр Ярославич завоевал, как известно, летом 1240 года, уничтожив со своей небольшой дружиной шведскую рать на Неве. В следующем году он разрушает опорный пункт немцев – крепость Копорье, позднее освобождает Псков и топит рыцарей в Чудском озере. В 1242 и 1245 годах громит литовцев, а в 1256 году наносит еще одно крупное поражение шведам.

Но этот грозный воитель становится не похожим сам на себя, когда речь заходит о Золотой Орде. В 1238 году, когда татарское войско вторглось в пределы Суздальской земли, он не послал подкреплений ни своему отчому городу Переславлю-Залесскому, ни столице Владимиру. Не пытался он и соединиться с войском дяди – великого князя Юрия, стоявшего на реке Сить. Даже Торжок, исконно новгородская вотчина, не получает помощи от молодого князя и захватывается ордынцами. Неудивительно, что, видя такую покорность, Батый оставляет у себя в тылу неразоренный Новгород и поворачивает войско громить города южной Руси.

В последующие годы Александр Ярославич не меняет своей позиции. Покорно прибывая в ханскую ставку в Каракорум, он получает «из рук» татар в дополнение к Новгородскому еще и Киевское княжество.

Традиционное объяснение этим фактам – «князь не шел на конфликт с ордынцами, поскольку понимал, что с ними не справиться» – оказывается при внимательном рассмотрении отнюдь не бесспорным. К середине XIII века на Руси стали складываться условия для мощного военно-политического союза Мономашичей против Орды. Русский тыл к тому времени стал относительно надежным: Польша и Венгрия были обескровлены татарами, а литовцы, шведские и немецкие рыцари – значительно ослаблены Невским. Основная часть монгольского войска, понеся большие потери в походе в Европу, вернулась на родину. В свою армию Батый приходилось набирать ненадежных воинов из покоренных народов.

В 1250 году между младшим братом Александра Андреем, владельцем Великого Владимирского княжества, и Даниилом Галицким, правителем всей Западной Руси, заключается антиордынский союз. Земли, контролируемые Александром Невским, могли бы сыграть здесь ключевую роль, поскольку связывали в единое целое удаленные княжества. Кроме того, богатый Новгород был способен пополнить русское войско финансами и людьми.

Однако Александр не только не примкнул к союзу, но напротив – поспешил в Орду с жалобой на брата. Итогом поездки стал карательный поход Неврюя на Владимирское княжество.

Для разгадки поведения Александра Ярославича посмотрим на то, как складывались отношения Руси с Западом в XII—XIII веках. Вести о Первом крестовом походе 1096—1099 годов, завершившемся взятием Иерусалима, были встречены на Руси с энтузиазмом. Налицо был триумф христианского мира, к которому теперь относил себя Русь. Выступая против половцев в 1111 году, Владимир Мономах также постарался придать своим действиям характер крестового похода против «поганных».

Однако позднее идеология крестовых походов в Западной Европе претерпела значительные изменения. Объектами претензий католиков-крестоносцев все чаще становились территории, населенные православными. Ватикан осуществлял идейное и духовное руководство натиском ливонских и тевтонских рыцарей на земли славян. Разорение крестоносцами центра

православия – Константинополя в 1204 году – Русь восприняла крайне болезненно. Слухи о стяжательском и развратном образе жизни папского клира усиливали отчуждение.

Русь – возможно, впервые в своей истории – попыталась вполне осознанно возвести «железный занавес» между собой и Северной и Западной Европой. В отношении европейцев отечественная идеология с этого времени требовала «обычая их не держати и учения не слушати, не брататься с ними, потому что развращенные мысли их полны гибели».

Вероятно, молодому Новгородскому князю ордынцы казались меньшим злом, а то и союзником в борьбе с экспансией Запада. После похода Неврюя за Александром Невским было закреплено Великое княжество Владимирское, а сам князь побратался с сыном Батыя Сартаком. В 1251 году Невский наотрез отказался от помощи папы римского в борьбе с Ордой. Вскоре он привел в Новгородскую землю татарских численников, переписывавших население для обложения данью (исключение было сделано для духовенства). В отказавшийся подчиниться Новгород князь ввел в 1259 году свои войска, подавляя антиордынские выступления, зачинщикам которых выколол глаза и отрезал носы.

В ноябре 1263 года Александр Невский, разболевшись, умер у Нижнего Новгорода на обратном пути из ханской ставки. Версия о его отравлении в Орде появилась, скорее всего, потому, что народное сознание не хотело мириться с фактом дружбы популярного князя с татарами...

Трудно давать оценки деяниям наших предков, живших в те далекие и страшные времена. И все же сделаем осторожные выводы. Столетия назад Русь столкнулась с проблемой поиска своего места в споре Запада и Востока. В таких условиях в жестоком XIII веке Александр Ярославич Невский решился на союз с Востоком.

Где была Куликовская битва?⁸

Историки утверждают, что они наконец установили точное место Куликовской битвы. В отличие от официальной версии, одно из ключевых сражений русской истории происходило вовсе не в чистом поле, а на большой лесной поляне.

Из школьных учебников нам известно: 8 сентября (21 сентября по новому стилю) 1380 года на Куликовом поле произошло судьбоносное сражение, в котором русская рать под предводительством князя Дмитрия одержала победу над войском Мамае. За свой полководческий талант князь Дмитрий был прозван Донским. Но вот о точном месте битвы историки спорят до сих пор. Официальная историография утверждает: Донское, или Мамаево, побоище, позднее названное Куликовской битвой, произошло на территории современной Тульской области при слиянии Дона и Непрядвы. По крайней мере, на это указывают летописи. Впрочем, литературные источники XIV—XV веков – «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище» – дают лишь художественное осмысление сражения, а о точности и достоверности при определении места сражения с их помощью говорить не приходится.

Более точные сведения содержатся в Рогожском летописце, в Новгородской первой летописи и в летописной повести о Куликовской битве. Эти источники так описывают место сражения: «Поле чисто на усть реце Непрядвы», что означает «при устье Непрядвы» или «недалеко от устья Непрядвы». Историки осторожно пытаются определить это самое «недалеко». Если считать, что в Средние века для пешего «недалеко» равнялось трем километрам (0,1 «днища» – дневного перехода), а для всадника – шести километрам (0,2 «днища»), то можно определить три стратегические точки, вокруг которых разворачивалась битва. Первая точка – устье Непрядвы (указывается в договоре 1381 года с Олегом Рязанским), вторая точка – расположение русских войск в верховье реки Смолки, третья точка – расположение Мамаевых орд, как предполагается, на северной окраине села Хворостянка.

Такова официальная версия. Однако в последние годы появились работы, в которых она подвергается сомнению. Например, профессор Анатолий Фоменко, автор известных книг по новой хронологии истории, считает, что Мамаево побоище произошло вовсе не на Куликовом поле, а совсем в другом месте. Один из аргументов Фоменко: на предполагаемом месте битвы не найдено никаких ее следов: «Ни могильников, а ведь полегло якобы много десятков или даже несколько сотен тысяч человек, ни остатков оружия: стрел, мечей, кольчуг. Возникает законный вопрос: там ли ищут Куликово поле?»

Но вот недавно специалисты Института географии РАН совместно с археологами Государственного исторического музея и сотрудниками Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» завершили масштабную работу по созданию палеогеографической карты, с доподлинной точностью восстанавливающей исторический ландшафт Куликова поля. У ученых теперь практически не осталось сомнений, что знаменитое сражение происходило на относительно небольшом открытом участке площадью примерно три квадратных километра на правом берегу реки Непрядвы, со всех сторон окруженном густыми лесами.

Сегодня территория музея-заповедника «Куликово поле» – открытая всем ветрам степь. Даже трудно себе представить, что некогда здесь шумели дремучие леса. Многих исследователей это и ввело в заблуждение – они искали место битвы на просторе, не подозревая о том, что оно могло быть ограничено небольшой территорией, свободной от леса, например,

⁸ По материалам Н. Дьячковой

очень большой поляной. Перед географами стояла задача поэтапно реконструировать ландшафт места Донского побоища. Им пришлось прежде всего учитывать то, что развитие природы подчинено периодическим колебаниям – ритмам разной степени интенсивности. Ученые утверждают: наиболее конструктивный ритм для местной лесостепи – так называемый 2000-летний ритм Шнитникова. Как правило, каждые 2000 лет на границах резких изменений тепло- и влагообеспеченности происходит перестройка локальных ландшафтов, в том числе изменение характера флоры, гидрологического режима и почвообразовательных процессов. Время Куликовской битвы как раз приходится на переход от теплой влажной фазы (пика разрастания лесов в северной степной зоне) к более холодной. Период после Куликовской битвы характеризуется суровыми погодными условиями. В литературе он известен как малый ледниковый период, длившийся на протяжении XV—XVIII веков, для которого характерны суровые зимы, короткий вегетационный период, активная эрозия почв, способствовавшая выравниванию рельефа. Все это, естественно, привело к тому, что сегодняшний ландшафт места сражения лишь отдаленно напоминает тот, какой был здесь во времена Дмитрия Донского.

Вот что рассказала палеогеограф Майя Гласко: «Высказывалось, например, мнение, что битва могла состояться на левобережье Непрядвы, но оно было сплошь покрыто лесными массивами, где коннице не то что разъехаться, а даже выстроиться было бы негде. Мы подробно изучили месторасположение лесных массивов на данной территории в XIV веке и увидели, что на правом берегу Непрядвы можно очертить открытое степное пространство, не очень широкое, но в которое вполне вписываются масштабы сражения. Это был узкий участок, единственный на берегу Непрядвы, где могли сойтись в битве многотысячные войска. Конечно, не сотни тысяч, как говорится в летописях. Максимум здесь могло выстроиться тысяч шестьдесят воинов с той и другой сторон».

Составленная палеогеографическая карта района Куликова поля дала историкам важный аргумент в пользу того, что битва произошла именно при слиянии Непрядвы и Дона. Дело в том, что описанный исследователями ландшафт – относительно узкое открытое пространство, окруженное лесами, – как нельзя лучше соответствует характеру развернувшегося там боя. Повидимому, Дмитрий Донской очень грамотно подошел к выбору места сражения, воспользовавшись тем, что за дубравами мог укрываться его засадный полк. Исследователи считают, что если бы битва состоялась в открытом поле, то Мамай легко справился бы с русской дружиной – ведь тактика монголов известна. Сначала мощная «артподготовка» – легковооруженные всадники расстреливали с дальней дистанции плотные построения противника из мощных луков, а затем кинжальные удары тяжелой кавалерии рассекали боевые порядки и опрокидывали врага. Однако в данном случае князь Дмитрий не дал Мамаю воспользоваться преимуществами хваленной монгольской тактики: русские воины то и дело предпринимали лобовые контратаки в узком месте – между двумя дубравами – и быстро отступали, снова укрываясь за лесом. По мнению военных историков, князь Дмитрий Донской придерживался тактики суимных боев (стычка, сшибка), чтобы неожиданными атаками сбить противника с толку и не дать ему сконцентрировать силы и осуществить массированный главный удар. Историки считают, что сражение представляло собой скоротечные кавалерийские стычки с последующими маневрированием и перестроением. Бой, судя по всему, был тесным, кровопролитным и скоротечным. По современным меркам, он длился совсем недолго – около трех часов. По оценкам военных историков и археологов, русская рать насчитывала не 100 тысяч человек, как указывается в летописях, а не более 20—30 тысяч. Можно предположить, что численность монголов была примерно такой же. Едва ли осторожный Дмитрий Донской пошел бы на решающую битву с армией, значительно превосходящей по численности его войско. Таким образом, получается, что в битве с двух сторон участвовало приблизительно 60 тысяч человек. Больше куликовская поляна вместить не смогла.

Дмитрий Донской и Боброк Волынец объезжают Куликово поле перед битвой. Миниатюра XVI в.

Впрочем, по оценкам некоторых военных историков, даже эти данные могут быть завышены. В сражениях такого рода, уверяют историки, погибало обычно от 10 до 15 процентов личного состава каждой армии. Значит, и в ходе Мамаева побоища пали от 6 до 9 тысяч воинов. Этот факт подтверждает и то, что археологических находок, связанных с Куликовской битвой, уцелело не так много, как хотелось бы исследователям. И могильник павших воинов до сих пор не найден потому, что он является не курганом, как предполагалось раньше, а относительно небольшим захоронением площадью примерно 50 квадратных метров. Археолог Государственного исторического музея Михаил Гоняный знает о существовании древнерусского могильника в районе села Монастырщина, расположенном на слиянии Дона и Непрядвы. Правда, в настоящее время на его месте стоит деревня. Михаил Гоняный планирует провести здесь геофизические исследования.

Особо следует сказать о якобы полном отсутствии материальных следов сражения. Это не совсем так. Следов знаменитой битвы на сегодняшний день действительно найдено немного, но тому есть свое объяснение. Историки полагают, что основная масса оружия (включая накопечники от стрел), кольчужные доспехи, конские сбруи были собраны сразу же после битвы, 8 сентября 1380 года. Оружие и металлические изделия в те времена ценились очень высоко, а мародерство на поле битвы не считалось преступлением.

В 1799 году на участке, о котором идет речь, были проведены первые раскопки. Местные помещики предлагали хорошее вознаграждение за ценные находки, поэтому крестьяне переплывали поле плугом вдоль и поперек и продавали хозяевам земли найденные предметы. Необходимо отметить, что места обнаружения находок сосредотачиваются строго на очерченной

палеогеографами территории. Значительная часть реликвий, найденных в XIX веке, находилась на участке между селами Монастырщина и Хворостянка. На протяжении XIX и XX веков здесь также нередко находили вещи времен Куликовской битвы. Среди наиболее ценных находок – золотые перстни и кресты XIV века.

Современные исследователи каждый сезон отправляются на Куликово поле, вооружившись металлоискателями. И если обнаруживается вдруг что-то стоящее, оно становится бесспорной сенсацией. К примеру, летом 2000 года на месте сражения была найдена пластина от панцирного доспеха. Скорее всего, это фрагмент подола пластинчатого панциря, стягивавшегося ремешками. Как утверждает специалист по военной археологии Государственного исторического музея Олег Двуреченский, «русские воины позаимствовали идею изготовления пластинчатых доспехов у монголов, после середины XV века таких пластин не производили».

Интересно, что спустя два года, в 2002 году, в непосредственной близости от места предыдущей находки были обнаружены фрагмент кольчуги и подпружная пряжка. Обрывок кольчуги представляет собой девять колец из латуни, соединенных друг с другом. По мнению Олега Двуреченского, этот кусок из цветного металла предназначался не для защиты, а для украшения дорогого доспеха, судя по всему, русского воина. Олег Двуреченский поясняет: «Почему удалось найти именно украшение из латуни? Цветной металл в отличие от железа в земле не пропадает. И потом, на этом месте была сшибка, люди секлись, и с них летели куски доспехов. Крупные вещи с убитых и раненых были собраны сразу же. Наш же удел сегодня – находить только мелкие, незаметные глазу фрагменты, спрятавшиеся под землей. Кстати, фрагмент кольчуги лежал под землей на глубине всего 30 сантиметров. На этом месте никогда не жили люди, всегда было чистое поле, поэтому земля сильно не «наросла». Неслучайно в местечке под названием Зеленая Дубрава, где сейчас леса нет и в помине, а в XIV веке стояла густая непроходимая дубрава, в последние годы археологи находили немало наконечников стрел».

Эксперты по вооружению установили, что найденные вещи принадлежат строго определенному временному отрезку – с середины XIII до середины XV веков. Согласно же летописям, на слиянии Непрядвы и Дона в тот период была только одна битва – Куликовская. В числе последних находок, относящихся, по мнению археологов, непосредственно к Куликовской битве, – походный ножичек с длиной лезвия всего два сантиметра, а также подпружная пряжка и втулка от копья. Факт находок вооружения – фрагменты русской кольчуги и пластины доспеха монгольского типа, находящиеся близко друг от друга, в чистом поле, именно на том участке, который определили палеопочвенники как безлесный, пустой, – лишний раз свидетельствует в пользу исследователей, утверждающих, что Донское побоище происходило именно здесь. «Мы будем продолжать искать предметы, принадлежащие воинам, – говорит Михаил Гоняный. – Их много не будет. Но они будут обязательно».

Чем болел Иван Грозный

Что известно о последнем дне жизни Ивана IV? Со слов очевидцев мы знаем, что в день смерти, утром, он почувствовал некоторое облегчение от болезни, принял теплую ванну и сел играть в шахматы (по иным сведениям – в шашки) с Бельским.

Следовательно, перед смертью он был в редком для него состоянии покоя. В последние годы его мучили жестокие приступы болей, мрачные предчувствия, тяжелые угрызения совести.

Но в тот предсмертный день он был добр и спокоен. Во время игры его и постиг удар. Над умирающим царем совершили, по его заблаговременному пожеланию, обряд пострижения и захоронили в каменном царском гробу.

Однако можем ли мы полностью доверять этому источнику? (Версия о предсмертной игре царя в шашки исходит от иностранца, явно недостаточно знавшего порядки при дворе российского самодержца.)

От чего же умер царь Иван?

Когда вскрыли гробницу, ученые сразу обратили внимание на то, что боковые стенки саркофага чрезвычайно тонки. Вероятно, их поспешно дополнительно стесывали перед самым захоронением. Эта деталь кое-что проявляет в болезни царя. Видимо, покойник перед близкой смертью стал тучен или отечен и мог не поместиться в гроб, приготовленный заранее. На то, чтобы определить причины смерти умершего четыре века тому назад царя, ушло несколько месяцев. Химический анализ показал, что в организме Ивана IV найдено чрезмерно повышенное содержание ртути. И было установлено, что ртуть поступала в организм в течение относительно долгого времени.

Может быть, это результат лечения ртутной мазью, уже тогда применявшейся в медицинской практике? Или все же причиной смерти стало отравление?

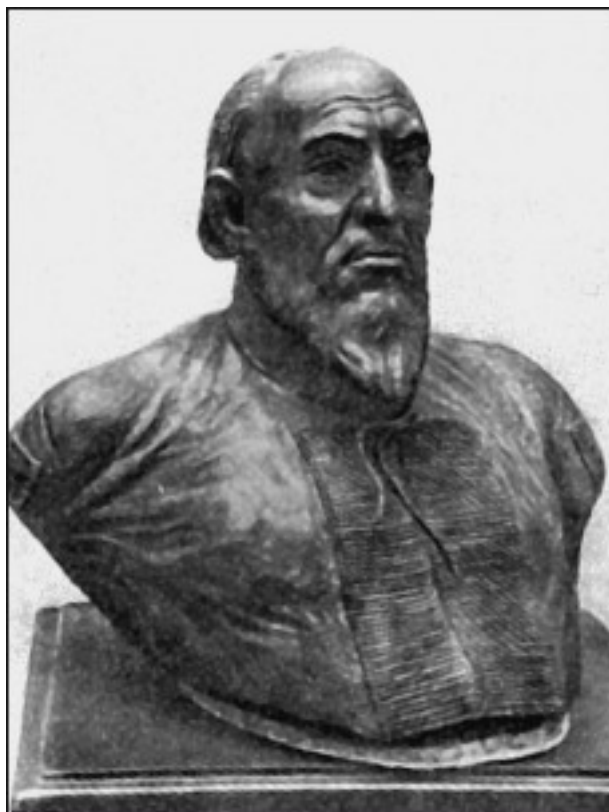
От таких предположений отказываться было нельзя. Требовалось время для окончательных выводов, к тому же ученые обнаружили многочисленные костные выступы, так называемые остеофиты. Они располагались на позвоночнике, гребешках подвздошных костей таза, вокруг суставов.

У вельмож того времени существовал обычай держать сосуд с «живой водой» (или «живым серебром») открытым в своих покоях. Якобы это прибавляло долголетия владельцу. Вполне вероятно, что так поступал и царь. Тогда еще не знали о вредном действии паров ртути.

А причины возникновения остеофитов весьма разнообразны. Это могут быть проявления возрастного артроза (хронического воспаления сустава), чаще поражающего отдельные суставы. Они также могут возникнуть на почве эндокринных нарушений и при злокачественных опухолях – например, остеосклеротические метастазы рака предстательной железы. (Как предположили впоследствии патологоанатомы, именно последний вариант и был наиболее вероятен в рассматриваемом нами случае.)

Костные нарастания иногда увеличиваются медленно, не причиняя больному особых неудобств, но зачастую боли могут возникать даже при небольших движениях, особенно от таких наростов, как у Ивана IV (по краям суставных поверхностей, как своеобразные «шпоры» или «козырьки»). Боли бывают резкими и мучительными, повторяющимися вновь и вновь – ведь острые края выростов сдавливают нервы, сосуды, впиваются в мышцы.

Можно представить себе, какой мучительной была жизнь Ивана IV все последние годы – не только в бодрствующем состоянии, но и ночью, в постели, от случайного движения возникала боль, изматывающая, лишавшая сна.

Реконструкция облика Ивана Грозного

Никакие снадобья знахарей, лечебные советы западных лекарей, скорее всего, не могли помочь самодержцу, давая лишь временное облегчение, притупляя боль. Излечить царя – при тогдашнем уровне врачебного дела – было невозможно. Именно эти непрерывные мучения и могли привести к злоеющим изменениям в характере Ивана Грозного, что объясняет многие его поступки. Находясь в непрерывном болевом стрессе, он был совершенно непредсказуем.

Прах первого русского самодержца, аккуратно запакованный в картонные коробки, с особой осторожностью был отвезен в лабораторию пластической реконструкции Герасимова.

В лаборатории коробки распаковали и череп лег на рабочий стол ученого. Началось долгое восстановление облика царя Ивана IV. Сначала череп еще раз тщательно пропитали особым, укрепляющим кости, раствором, законсервировали. Потом сняли гипсовые копии.

С ними и начал работать Герасимов, а подлинный череп оставался в неприкосновенности, ожидая своего возвращения в могильный склеп.

По своему методу скульптор наложил на копию черепа царя пластилиновые мышечные ткани, внимательно следуя всем особенностям черепа. Малейшая невыверенная деталь могла повлиять на достоверность будущего скульптурного портрета царя.

Иногда возникали сомнения. Например, показалось, что швы свода черепа очень молоды, не соответствуют возрасту 53 года. Дополнительное тщательное изучение подтвердило – аномалии нет.

Другой пример. Прекрасно сохранившиеся зубы Грозного заставили антропологов и анатомов поломать голову. Согласно всем медицинским данным, зубы были моложе царя лет на двадцать – ровные, крепкие, не сношенные, два резца совсем не стерты, клыки только прорезались – зубы молодого человека.

(«Представляете, в летописях упоминалось, что до 40 лет некоторые зубы у царя Ивана были молочными. Ясно, что этому никто из нас не верил. А все оказалось правдой!» – сказал как-то Герасимов. Налицо было какая-то генетическая аномалия, в принципе положительная.)

Дуга нижней челюсти слишком крутая, язык в таких случаях расположен в полости рта выше, чем бывает обычно. Не исключено, что Грозный пришепetyвал чуть-чуть. Но о таких речевых дефектах современники обычно не упоминают, предпочитая «улучшенный» образ монарха.

К марту 1964 года мышечные ткани были, наконец, полностью смоделированы, и Герасимов приступил к окончательной отделке... У Ивана IV оказалось узкое, волевое лицо, крупный нос с горбинкой, небольшой рот, высокий лоб, большие глаза, чуть выдающаяся вперед нижняя часть лица.

По сохранившемуся скелету восстановили и фигуру царя. Иван Грозный был высоким, крупным, плноватым, сильным и крепким. У него были широкие плечи, хорошо развитая мускулатура. Да, пожалуй, он не очень похож на того царя, которого играл Черкасов. Не похож он и на репинского сыноубийцу, и на скульптуру Антокольского...

Рядом с Иваном Грозным покоится его сын, убитый им в припадке ярости, – двадцатисемилетний царевич Иван. В его могиле обнаружили густые, длинные русые локоны, которые пощадило тление. Сохранилась ткань одежды царевича – после отмыывания и чистки она оказалась шелковой, оранжевой, с золотистым оттенком. Но, увы, череп царевича время не сохранило. Мы так и не узнаем, как был убит царевич Иван. И был ли он похож на своего отца.

Череп другого сына Грозного – царя Федора – сохранился плохо. Однако Герасимов сумел реконструировать портрет Федора. Его почему-то хоронили очень поспешно. Мастер, вырезавший надпись на крышке саркофага, даже не дописывал слова. Возможно, с покойным царем Федором просто особо не церемонились. Его шурин Борис Годунов рвался к власти...

От чего же умер Федор Иоаннович? Летописцы говорят об этом скупо. Причина, видимо, обычная – не хотели вступать в конфликт с только что возвысившимися «власти предержащими». Лишь псковская летопись высказывает предположение, что его отравил Годунов.

Современные химические анализы показали, что в организме Федора было повышенное содержание мышьяка, так что версия отравления наиболее вероятна.

В ряду гробниц находилась когда-то и четвертая – Бориса Годунова. При вскрытии она оказалась пустой...

Так подтвердилось историческое свидетельство, что Лжедмитрий I велел вынуть труп царя Бориса из саркофага и перевезти в бедном деревянном гробу в захолустный Варсонофьевский монастырь.

Сменивший Лжедмитрия на престоле боярский царь Василий Шуйский распорядился перенести останки младшего сына Ивана Грозного, Дмитрия, из Углича в Москву и положить их в бывшей могиле Годунова. Однако труп маленького Дмитрия не был предан земле, а поставлен для поклонения в специальном ковчеге в центре Архангельского собора. (Когда Шуйский распорядился перенести останки Дмитрия из Углича в могилу предков, стали распространяться слухи, что тело отрока сохранилось нетленным... А когда его перевозили в Москву, то якобы из раны лилась алая кровь.) Дмитрия объявили невинноубиенным, святым мучеником.

Действительно ли в Архангельский собор привезли останки Дмитрия? Не был ли ради инсценировки нетленности трупа царевича убит другой младенец, отнюдь не царского рода?

Возможность проверить это, видимо, есть. Останки Ивана IV, его отца, имеются. В Кремле находится захоронение Марии Нагой, матери Дмитрия. Сравнительный анализ останков может раскрыть еще одну тайну прошлого.

Обстоятельства смерти Ивана IV и его сыновей сложны и неясны.

После воссоздания обликов Ивана Грозного и его сына Федора их останки вернулись в могилы. Легли на место тяжелые надгробные плиты. Но тайна жизни Ивана IV и его детей осталась.

Пророчества чухонских старцев⁹

В истории российского Севера есть малоизвестные страницы, связанные с таинственными чухонскими старцами – финно-угорскими волхвами, имевшими огромное влияние на своих соплеменников. С незапамятных времен они выступали в роли жрецов чухонских языческих богов, старательно поддерживая в своем народе древние верования даже после принятия православия большей частью населения.

Вопреки широко распространенной легенде царь Петр I не являлся первооснователем поселений на берегах седой Невы. На мшистых, топких, поросших лесом, но отнюдь не диких берегах полноводной широкой реки издревле обитали лапландцы, карелы, водь, ижорцы, вепсы и представители других малочисленных племен. Причем после принятия ими православия, кстати, проходившего вполне мирно, они упорно продолжали тайком поклоняться своим древним языческим богам и почитать служивших этим божествам чухонских старцев-жрецов, а в затруднительных ситуациях и при решении жизненно важных вопросов – непременно обращаться к ним за советом.

Роковые пророчества

В те далекие времена примерно там, где сейчас находится самый центр современного Санкт-Петербурга, между Троицкой площадью и зданием Нахимовского училища, в начале XVIII века существовало древнее языческое капище. Его главной достопримечательностью и ценностью для чухонцев была причудливо искривленная балтийскими ветрами священная сосна. По ней жрецы точно предсказывали грядущие наводнения и даже могли указать уровень подъема воды: во время волховских мистерий на этой высоте на корявых ветвях дерева появлялись «огни Святого Эльма», что неизменно приводило в мистический трепет зрителей.

Естественно, чухонским старцам не слишком пришлось по нраву соседство беспокойного белого царя, затеявшего на берегах Невы грандиозное строительство. Поэтому волхвы сначала очень осторожно, а потом все смелее и громче начали пророчествовать о странных и ужасных несчастьях, неминуемо ожидающих в будущем строящийся по велению царя город и всех его жителей. Они наивно надеялись, что царь услышит их и, узнав всю горькую правду о будущем, одумается и бросит свою опасную затею. Да, Петр I услышал их, но вот относительно дальнейшего волхвы просчитались.

Передаваемые из уст в уста и не на шутку будоражившие народ мрачные пророчества чухонских старцев вкупе с крайне переменчивым военным счастьем в бесконечных баталиях со шведами не улучшали царского настроения.

Не откладывая дела в долгий ящик, царь решил раз и навсегда покончить с «чухонскими чудесами». Краснея от натуги и матерясь сквозь зубы, Петр самолично срубил старую священную сосну и приказал отправить на дрова в солдатские кухни. А жрецам, чтобы больше не болтали чего не попадя, приказал отрубить головы.

Перед казнью чухонские старцы, имен которых история не сохранила, сделали последние пророчества: каждый из трех языческих жрецов дал свой собственный прогноз развития событий в далеком будущем. Причем все они были неразрывно связаны с разоренным царем святилищем и местом их жестокой казни.

Первый из волхвов пробормотал заклинания и, стоя на коленях перед плахой, провещал:

⁹ По материалам В. Антонова.

– Заложенный царем новый город простоит ровно триста лет – столько же, сколько отпущено времени правления его потомкам. А потом городу на Неве быть пусту!

Фактически жрец «отпустил» заложенному Петром I в 1703 году на Неве городу столько же лет, сколько правлению династии Романовых. Это достаточно хорошо известное предсказание, которое имеет множество различных вариантов толкования. По одному из них, город утонет, весь уйдет под воду во время небывало сильного наводнения. Согласно другим, население вымрет от страшных болезней, голода и тому подобного.

Надо признать, что жуткое пророчество древнего чухонского волхва действительно чуть было не исполнилось в страшные дни блокады во время Отечественной войны, но тогда до трехсотлетия города оставалось еще 60 лет.

Второй чухонский старец предсказал, перед тем как его лишили головы:

– Все проживающие на территории России финно-угорские народы объединятся в «Коотимаа», и тогда придет неминуемый конец владычеству белых царей!

«Коотимаа» – «общий дом финнов» – так называется некое почти мифическое единение всех финно-угорских народов, населяющих необъятную Россию. Это пророчество можно понимать не только как указание на неизбежное падение самодержавия в России, но и как предсказание неизбежного конца главенствующей роли представителей славянской расы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.